

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Излагаетъ два состоянія, въ началѣ которыхъ утверждается положеніе, что фортуна не можетъ быть ни пособіемъ, ни препятствіемъ для мудраго. Великій же патръ Августинъ, при защитѣ Аваніемъ своего мнѣнія, доказываетъ, что мудрый знаетъ ничто, т. е. знаетъ по крайней мѣрѣ мудрость. Потомъ разбираетъ опредѣленіе Закона, и опровергаетъ два извѣстныхъ положенія Академиковъ: ничею нельзя воспринять, и—ничему не слѣдуетъ доотрять. Въ заключеніе говоритъ, что Академики, по его мнѣнію, думали не такъ, какъ представляють ихъ обыкновенно.

ГЛАВА I.

Состояніе 1.

Должно вслѣдственно искать истину, отъ которой зависитъ блаженная жизнь.

Когда мы на другой день послѣ разговора, содержащагося во второй книгѣ, сидѣли вмѣстѣ въ баняхъ (такъ какъ день былъ слишкомъ пасмуренъ, чтобы у насъ явилась охота идти на лугъ), я началъ рѣчь такъ: Думаю, что вы уже достаточно уяснили себѣ, о какомъ предметѣ мы условились между собою вести разсужденіе. Но прежде чѣмъ приступлю къ изложенію своихъ воззрѣній, вносящихъ въ разъясненію его, я попрошу васъ съ охотою вы-

Блаженнаго Августина.

суждать немногое о надеждѣ, о жизни, о назначеніи нашемъ, отъ предмета неуклоняющемся. Я полагаю, что искать истину не есть пустая или излишняя, но необходимая и самая важная обязанность наша. Въ этомъ мы согласны съ Аппіемъ. Ибо и прочие философы думали, что ихъ мудрый находить ее; и Академики о своемъ мудрецѣ говорили, что онъ долженъ былъ съ величайшимъ усиліемъ искать ее, и что онъ дѣлалъ это усердно. Но такъ какъ она или скрывалась, будучи заслонена, или не выдѣлялась, будучи смѣшана; то за правую жизнь онъ принималъ то, что находилъ вѣроятнымъ или истинноподобнымъ. Это вытекало какъ слѣдствіе и изъ вашего прежняго разсужденія. Ибо какъ скоро одинъ утѣсждалъ, что человѣкъ становится блаженнымъ, когда истина найдена, а другой — когда она только тщательно ищется; то никто изъ насъ не сомнѣвается, что мы не должны ничто ставить выше этой обязанности. Поэтому скажите, пожалуйста, какой по вашему мнѣнію провелъ я вчера день? Вамъ по крайней мѣрѣ удалось предаться своимъ запятіямъ. Ибо ты, Тригесцій, усаждался твореніями Виргилія, а Лиценцій имѣлъ досугъ сочинять стихи, къ которымъ пристрастился такъ, что ради его — то главнымъ образомъ я и счелъ нужнымъ вступить въ этотъ разговоръ, чтобы философія (ибо этому уже время теперь) взяла и утвердила за собою въ его душѣ верхъ не только надъ поэзією, но и надъ всякою другою наукою.

ГЛАВА II.

Необходима ли fortuna мудрому.

Но скажите, пожалуйста, не пожалѣли ли вы обо мнѣ, что, отравившись наканунѣ въ постель съ мыслию встать только для отложеннаго вопроса и ни для чего другаго, я встрѣтилъ столько неотложныхъ дѣлъ по хозяйству, что

занятый ими всецѣло, едка могъ удѣлать для своего отдыха два послѣдніе часа дня? Поэтому моимъ всегдашнимъ мнѣніемъ было, что человѣку уже мудрому не нужно ничего; но чтобы сдѣлаться мудрымъ, весьма необходима фортуна. Но Азипію можетъ быть это кажется иначе?—На это онъ отвѣчалъ: Я еще не знаю хорошо, сколько правъ усвоилъ ты фортуны. Если для того, чтобы презирать фортуны, ты считаешь нужною саму же фортуны, то съ мнѣніемъ твоимъ согласенъ и я. А если ты фортуны отводишь единственно то, что можетъ лишь по ея благосклонности удовлетворять необходимымъ тѣлеснымъ нуждамъ,—то я думаю не такъ. Ибо въ такомъ случаѣ и не мудрому еще, а только жаждущему мудрости можно и при противодѣйствіи фортуны и вопреки волѣ ея брать то, что признаемъ необходимымъ при жизни; или нужно допустить, что она господствуетъ надъ всею жизнію мудраго, такъ какъ и самъ мудрый не можетъ не нуждаться въ томъ, что необходимо для тѣла.

—Итакъ ты утверждаешь, говорю я, что фортуна необходима имѣющему любовь къ мудрости, но въ отношеніи къ мудрому это отрицаешь.—Дѣлу не вредитъ повтореніе того же, отвѣчалъ онъ. Но и я спрошу тебя, думаешь ли ты, что фортуна чѣмъ либо содѣйствуетъ къ своему собственному презрѣнію? Если ты думаешь такъ, то я скажу, что жаждущій мудрости всячески нуждается въ фортуны? Думаю, говорю я, что именно чрезъ нее онъ сдѣлается таковымъ, что будетъ въ состояніи презирать ее; и это не представляетъ никакой несообразности. Ибо точно такъ, когда мы малы, намъ необходимы и сосцы, которые дѣлаютъ, что послѣ мы безъ нихъ можемъ жить и здравствовать. Наши мнѣнія, отвѣчалъ онъ, если мы другъ друга понимаемъ, очердно, согласны; но кому нибудь можетъ быть кажется необходимымъ точнѣе обозначить, что какъ фортуны, такъ

и сосцы заставляют насъ презирать не сами сосцы или фортуна, а нѣчто другое. Не велика трудность, говорю я, употребить и другое подобіе. Какъ никто не можетъ перебраться черезъ море Эгейское безъ корабля, или какого либо перевозочнаго средства, или вообще (не исключая и самаго Дедала) безъ какихъ либо приспособленныхъ къ этому орудій или безъ какой либо сокровищѣйшей силы, хотя бы, предполагая достигнуть только этого, онъ готовъ былъ бросить и презрѣть все то, посредствомъ чего перебрался: такъ точно и всякому, кто пожелалъ бы достигнуть гавани мудрости и стать на твердѣйшую и спокойнѣйшую почву, по моему мнѣнію, необходимо для достиженія желанія имѣть фортуны, потому что онъ не будетъ въ состояніи это сдѣлать, если будетъ (чтобы опустить другое) слѣпой и глухой, — что находится во власти фортуны. Но когда онъ достигъ этого, то хотя бы и казался нуждающимся въ нѣкоторыхъ вещахъ, относящихся къ тѣлесному здравію, несомнѣнно однако то, что въ нихъ онъ нуждается не для того, чтобы быть мудрымъ, а для того, чтобы жить между людьми. — А по моему мнѣнію, сказалъ онъ, если кто слѣпъ и глухъ, тотъ даже въ правѣ презирать и изысканіе мудрости, и самую жизнь, ради которой мудрость ищется.

— Однако, говорю я, какъ скоро самая жизнь наша, которою мы живемъ, находится во власти фортуны, и какъ скоро только живя каждый можетъ быть мудрымъ; то не слѣдуетъ ли признать, что пужно ея покровительство, чтобы намъ дойти до мудрости? — Но если мудрость, отвѣчалъ онъ, необходима только живущимъ, а какъ скоро жизнь устранина, въ мудрости нужды болѣе нѣтъ никакой: то въ отношеніи къ продолженію жизни я фортуны не боюсь нисколько. Ибо желаю мудрости потолку, поколику живу, а не потолку хочу жизни, поколику желаю мудрости. Поэтому, если фортуна отниметъ у меня жизнь, она уничто-

жить и причину искать мудрости. Итакъ я не имѣю ничего, почему бы, чтобъ быть мудрымъ, я желалъ бы покровительства фортуны, или страшился бы ея препятствій; развѣ ты найдешь сказать что другое.—На это я: Да развѣ ты не думаешь, что имѣющему любовь къ мудрости фортуна можетъ дѣлать препятствія къ достиженію мудрости, хотя бы жизни у него и не отнимала?—Не думаю, отвѣчалъ онъ.

ГЛАВА III.

Различаются мудрый и имѣющій любовь къ мудрости. Мудрый ничто знаетъ, потому что знаетъ по крайней мѣрѣ мудрость.

— Я желалъ бы, говорю я, чтобы ты объяснилъ мнѣ нѣсколько, какое, по твоему мнѣнію, различіе между мудрымъ и философичъ?—По моему мнѣнію, отвѣчалъ онъ, мудрый отъ имѣющаго любовь къ мудрости разнится тѣмъ только, что въ мудромъ есть нѣкоторое освоеніе съ тѣми вещами, къ которымъ у имѣющаго любовь къ мудрости одно только страстное стремленіе.—А что это за вещи такіа, спрашиваю я? Мнѣ, напримѣръ, представляется между ними то только различіе, что одинъ знаетъ мудрость, а другой еще желаетъ знать.—Если ты знаніе разумѣешь въ скромныхъ границахъ, отвѣчалъ онъ, то ты сказалъ тоже самое, только яснѣе.—Какія бы границы ни давалъ я ему, говорю я, то признано всеѣми, что знаніе не можетъ быть знаніемъ вещей ложныхъ.—На этотъ разъ, отвѣчалъ онъ, мнѣ казалось нужнымъ предослать оговорку, чтобы въ случаѣ необдуманнаго согласенія моего твоя рѣчь не вела противъ меня легкихъ атакъ на такимъ основнымъ вопросамъ.—Дѣйствительно, говорю я, ты не оставилъ мнѣ мѣста, куда я могъ бы направить атаку. Если не ошибаюсь, вѣдь мы подошли уже къ самому концу, который я давно подготовляю. Ибо если, какъ тонко

и правильно выразился ты, между имѣющимъ любовь къ мудрости и мудрымъ существуетъ то лишь различіе, что тотъ любитъ, а этотъ усвоилъ ученіе мудрости,—почему ты не пожелалъ употребить и известное выраженіе, т. е. *нѣкоторое освѣщеніе*; но усвоить ученія не можетъ никто, кто ничего не изучилъ, не изучилъ же ничего, кто ничего не знаетъ, а знать ложнаго никто не можетъ: то мудрый знаетъ истину; ибо самъ ты призналъ принадлежность дуиѣ его ученія мудрости, т. е. освѣщеніе съ нимъ.—Но знаю, что каковъ стесненіи я быть бы безстыденъ, сказалъ онъ, еслибы захотѣлъ отрицать, что призналъ въ мудромъ освѣщеніе съ изысканіемъ вещей божественныхъ и человѣческихъ. Но почему тебѣ кажется, что освѣщеніи съ находимымъ вѣроятнымъ нѣтъ, я не понимаю.—Но ты согласишься со мною, говорю я, что ложнаго никто не знаетъ?—Охотно, отвѣчалъ онъ.—Въ такомъ случаѣ, говорю, скажи, если можешь, что мудрый не знаетъ мудрости.—Но затѣмъ, отвѣчалъ онъ, ты все сводишь къ тому положенію, что ему можетъ казаться, что онъ знаетъ мудрость?—Дай, говорю я, мнѣ свою руку. Если поминешь, я обѣщаю вчера сдѣлать именно это, и очень радъ, что не самъ вывести теперь это заключеніе, а получилъ его вполне готовымъ отъ тебя же. Я говорилъ, что между мною и Академиками существуетъ то различіе, что имъ казалось вѣроятнымъ, будто истину познать нельзя; а мнѣ представляется, что хотя она и не найдена еще, однако можетъ быть найдена мудрымъ. Теперь же, вынужденный моимъ вопросомъ—неужели мудрый не знаетъ мудрости, ты сваялъ: Ему кажется, что знаетъ.—Но что же изъ этого, замѣтилъ онъ?—А изъ этого то, говорю я, что если ему кажется, что онъ знаетъ мудрость, то ему не кажется, что мудрый не можетъ ничего знать. Или, если мудрость ничто, подтверди это доказательствами.

—Я думалъ дѣйствительно, отрицалъ онъ, что мы подошли къ концу; но въ то самое время, какъ ты протянулъ руку, я вижу, что мы разъединены какъ нельзя болѣе и разошлись далеко. А именно. Вчера казалось, что между нами возникъ споръ лишь о томъ,—можетъ ли мудрый достигнуть познании истины; ты утверждалъ это, я отрицалъ. Теперь же я сдѣлалъ тебѣ на мой взглядъ единственную уступку. что мудрому можетъ казаться, что онъ постигъ мудрость въ вещахъ вѣроятныхъ. Но думаю, никто изъ насъ не сомнѣвается, что подлѣ этого мудростию и разумѣю изслѣдованіе вещей божественныхъ и человѣческихъ.—Изъ того, что ты увертываешься, говорю я, не слѣдуетъ, чтобы вывернулася. Миѣ кажется, что ты спорить уже ради своего упражненія. И такъ какъ хорошо знаешь, что эти юноши еще съ трудомъ могутъ различать остроту и тонкость въ сужденіяхъ, то и пользуйся попыткою суждей, чтобы говорить сколько тебѣ заблагоразсудится, не встрѣчая ни съ чьей стороны неодобренія. Вѣдь незадолго прежде, когда я спрашивалъ, знаетъ ли мудрый мудрость, ты сказалъ, что ему кажется, что знаетъ. Но кому кажется, что мудрый знаетъ мудрость, тому не можетъ казаться, чтобы мудрый ничего не знать. Противъ этого спорить нельзя, развѣ кто рѣшится утверждать, что мудрость есть ничто. Изъ этого вышло, что и тебѣ кажется то самое, что и миѣ: миѣ кажется, что мудрый ничто знаетъ; тоже, полагаю, и тебѣ, который сказалъ, что мудрому кажется, что мудрый знаетъ мудрость.—На это онъ: Думаю, что упражнять свои способности не столько желаю я, сколько ты, и удивляюсь этому: потому что ты не имѣешь нужды въ какомъ либо упражненіи по этому предмету. Можетъ быть я и слѣгъ еще, но миѣ кажется, что есть различіе между казаться себѣ знающимъ, и знать, и между мудростию, полагаемою въ изслѣдываніи, и истинною. И то и другое нами говорилось; но какими образомъ все это объединяется, я не понимаю.—Тогда я, такъ какъ насъ

позвали уже къ обѣду, сказали: Я не недоволенъ, что ты такъ упрямнѣлся; потому что или оба мы не знаемъ, что говоримъ, и въ такомъ случаѣ лучше постараться снять намъ съ себя такой позоръ; или не знаешь одинъ изъ насъ, что также оставить безъ вниманія и пренебречь было бы постыднымъ. Поэтому въ послѣобѣденные часы сойдемся снова. Ибо въ то время, какъ мнѣ казалось, что между нами все покончено, ты пустилъ въ дѣло даже кулаки. — На это отвѣтили смѣхомъ, и мы вышли.

ГЛАВА IV.

С о с т я з а н і е 2.

Снова о томъ, что тотъ не есть мудрый, кто ничего не знаетъ.

Когда мы возвратились, то навѣли Лиценція, жажды котораго Геликопъ никогда не удовлетворялъ, домающимъ голову надъ сочиняемымъ стихомъ. Почти съ половиною обѣда,—хотя намъ обѣду конецъ былъ тамъ же, гдѣ и начало,—онъ тихонько всталъ, и ничего не пиая. Я сказалъ ему: Отъ души желаю тебѣ выполнить задуманное тобою поэтическое произведеніе. Это не потому, чтобы меня особенно радовало его окончаніе, а потому, что вижу тебѣ такъ страстно увлеченію, что освободить тебя отъ этой любви можетъ только отращеніе; а оно обыкновенно является по окончаніи. А послѣ того,—такъ какъ ты имѣешь очень пріятный голосъ,—и желаю бы, чтобы ты лучше давалъ намъ слышать твои стихи, чѣмъ, какъ въ извѣстныхъ греческихъ трагедіяхъ, пѣть слова, которыхъ не понимаешь самъ, какъ поютъ на глазахъ нашихъ гринки, заключенныя въ вѣтки. Намъ нѣмного однакоже, чтобы ты принялъ, если хочешь, питье, и потомъ возвратился въ нашу школу, если для тебя впрочемъ имѣютъ въ

настоящее время какое нибудь значеніе Гортензій и философія, которой ты въ прежней вашей бесѣдѣ уже принесъ въ жертву прекраснѣйшіе начатки, и которая воспламенитъ тебя сильнѣе, чѣмъ эта поэзія, къ познанію вещей великихъ и истинно плодотворныхъ. Но желая всячески привлечь васъ къ этимъ наукамъ, которыя служатъ къ образованію душъ, я боюсь, чтобы вы не попали въ лабиринтъ, и почти жалѣю уже, что сдержалъ ту твою страсть. — Онъ покраснѣлъ, и вышелъ пить; частію потому, что чувствовалъ сильную жажду, а частію потому, что это служило поводомъ избѣжать меня, который могъ наговорить гораздо болѣе и болѣе суроваго.

Когда онъ возвратился и все готовы были слушать, я началъ такъ: Правда ли, Аппій, что мы не согласны между собою по предмету самому ясному? — Нѣтъ ничего удивительнаго, отвѣчалъ онъ, если для меня темно, что для тебя, какъ увѣряешь ты, вполне очевидно; ибо очень многое ясное можетъ другимъ казаться яснѣйшимъ, равно какъ и что либо темное можетъ для иныхъ быть темнѣйшимъ. Такъ если и это для тебя дѣйствительно ясно, то повѣрь мнѣ — есть кто нибудь другой, для котораго и это твое ясное гораздо яснѣе, а въ тоже время есть и такой иной, для котораго мое темное гораздо темнѣе. Но чтобы ты долѣе не считалъ меня вздорливымъ, я буду просить тебя изложить это ясное пояснѣе. — Выслушай, пожалуйста, говорю я, внимательно и какъ бы на время отложивъ заботу отвѣчать. Если я хорошо знаю себя и тебя, то при стараніи легко усенится то, что я говорю, и одинъ другаго убѣдить скоро. Не сказалъ ли ты, — или меня быть можетъ обмануль слухъ, — что мудрому кажется, что онъ знаетъ истину? — Онъ подтвердилъ. — Оставимъ, говорю, на время этого мудраго. Самъ ты мудръ, или нѣтъ? — Возсе не мудръ, отвѣчалъ онъ. — Однакоже, говорю я, прошу тебя отвѣтить мнѣ, что думаешь ты лично о мудромъ

академикъ: кажется ли тебѣ, что онъ знаетъ мудрость?—По одно ли и тоже, по твоему мнѣнію, отвѣчать онъ, казаться себѣ знающимъ и знать: или не одно? Ибо я опасуюсь, чтобы эта неопредѣленность не послужила комунибудь изъ насъ средствомъ прошии другаго.

— Это, говорю я, называется обыкновенно тусклою тяжебою, когда, внявши лжи, стараются не о томъ, что можешь служить къ рѣшенію его, а о возраженіяхъ другому. Это и есть нашъ (чтобы сказать нѣчто въ угодность Лиценцію) въ буколическомъ стихѣ совершенно умѣстно счелъ деревенскимъ и вносивъ пастушески-я: когда одинъ спрашиваетъ другаго, гдѣ разстояние до пѣла не болѣе трехъ миль, — тотъ отвѣчаетъ:

А скажи-ка мнѣ, въ какихъ земляхъ растутъ цвѣты,
Что зовутся карями ¹⁾.

Но ты, Аминіи, не сочти похвалуэта этого умѣстнымъ для насъ, хотя бы и въ деревнѣ: пусть по крайней мѣрѣ эти баньки нѣсколько напоминаютъ о приличіи тимпаней. Отвѣть, если угодно, нато, о чемъ тебя спрашиваю: Кажется ли тебѣ, что мудрый Академикъ знаетъ мудрость?—Чтобы отвѣчая словами на слова, сказать онъ, мы не зашли далеко,—кажется, ему кажется, что знаетъ.—Слѣдовательно тебѣ, говорю я, кажется, что не знаетъ. Ибо я спрашиваю не о томъ, что кажется тебѣ касательно кажущагося мудрому, а о томъ, кажется ли тебѣ, что мудрый знаетъ мудрость. Ты можешь, по моему мнѣнію, отвѣтить на это или утвердительно, или отрицательно.—О если бы, отвѣчалъ онъ, или мнѣ было такъ легко, какъ тебѣ, или тебѣ такъ трудно, какъ мнѣ: тогда ты не былъ бы такъ привлекчивъ и не относился бы къ этому съ какою либо надеждою. Когда ты спрашивалъ меня, что кажется мнѣ относительно мудраго Академика, я отвѣчалъ:

¹⁾ Virgil. Eclog. III.

кажется мнѣ, ему кажется, что онъ знаетъ мудрость,—стѣ-
чалъ такъ для того, чтобы необдуманно не утверждать, что
я знаю, или не сказать не менѣе же необдуманно, что онъ
знаетъ.—Прежде всего, сказалъ я, сдѣлай мнѣ пожалуйста
великое одолженіе, удостой отвѣчать на то, о чемъ спраши-
ваю я, а не на то, о чемъ спрашиваешь ты самъ себя. А
затѣмъ, оставь пока на нѣсколько времени мою надежду, ко-
торая, я знаю вѣрно, не менѣе заботить и тебя, какъ твою
собственная. Вѣдь если я понимаю на этомъ вопросѣ, я тот-
часъ же переиду на твою сторону, и мы покочимъ споръ.
Наконецъ, устранивъ это какое-то безпокойство, замѣчаемое
мною въ тебѣ, вникай внимательнѣе, чтобы тебѣ легче по-
нимать, какого отвѣта я жду отъ тебя. Ты сказалъ, что ты
не утверждаешь и не отрицаешь (что всячески слѣдовало
сдѣлать на предлагаемый мною вопросъ) для того, чтобы не
сказать необдуманно, что знаешь, когда на дѣлѣ не знаешь;
какъ будто я спрашивать о томъ, что ты знаешь а не о
томъ, какъ тебѣ кажется. Итакъ спрашиваю тебя на этотъ
разъ яснѣе (если только можно говорить яснѣе): Кажется ли
тебѣ, что мудрый знаетъ мудрость, или не кажется?—Если
можетъ, отвѣчать онъ, найтись такой мудрый, какого пред-
ставлять разумъ, то мнѣ можетъ казаться, что онъ знаетъ муд-
рость.—Итакъ разумъ, говорю я, представляетъ тебѣ, что есть
такой мудрый, которому не безызвѣстна мудрость: и это
вѣрно. Ибо иначе оно и не могло тебѣ казаться.

Но теперь я спрошу: можетъ ли найтись мудрый? Если
можетъ, то онъ можетъ и знать мудрость, и тогда всякій
споръ между нами рѣшится. Если же ты скажешь, что не мо-
жетъ,—вопросъ будетъ уже не о томъ, знаетъ ли что мудрый,
а о томъ, можетъ ли кто либо быть мудрымъ. Установивъ это,
ужно уже будетъ оставить Академиковъ, и насколько доста-
нетъ силъ, рассмотреть этотъ вопросъ прилежно и внима-
тельно въсѣхъ съ тобою. Ибо для нихъ было дѣломъ рѣшен-

нымъ, или дучше—имъ казалось, что человѣкъ можетъ быть мудрымъ, но въ тоже время—что знаніе не можетъ быть удѣломъ человѣка. Почему они и утверждали, что мудрый ничто не знаетъ. Тебѣ же кажется, что онъ знаетъ мудрость; что во всякомъ случаѣ не то, что ничего не знаетъ. Вмеѣстѣ съ тѣмъ между нами, какъ и между всѣми древними и между самими Академиками, рѣшено, что должнаго никто не можетъ знать. Поэтому тебѣ остается или доказывать, что мудрость ничто, или признавать, что Академики представляютъ такого мудраго, какого разумъ не допускаетъ.

ГЛАВА V.

Отнимается у Академиковъ мнимое средство защиты.

Итакъ оставивъ ихъ, согласись изслѣдовать со мною, можетъ ли человѣкъ достигнуть такой мудрости, о какой говорить разумъ. Ибо не другую мы должны и можемъ называть истиннѣй мудростію.—Но если я, отвѣчалъ онъ, и сдѣлаю уступку, которой ты съ такимъ великимъ стараніемъ добиваешься, что мудрый знаетъ мудрость, и что мы уметвенно уловили это пѣчто, что мудрый можетъ воспріять; все же мнѣ представляется, что общія посылка (*силлогизма*) Академиковъ въ цѣломъ ея видѣ не опровергнута. На мой взглядъ имъ оставлено еще мѣсто для защиты, не устранило извѣстное колебаніе въ довѣріи, такъ что они могутъ находить защиту своему мнѣнію въ томъ самомъ, чѣмъ ты считаешь ихъ побужденными. Они точно также будутъ говорить о невозможности познанія, и о томъ, что ничему не должно довѣрять; такъ что и положеніе это о невозможности воспріять что́ либо, въ которомъ они до тебя убѣждали себя съ вѣроятностію опытомъ цѣлой почти жизни и которое теперь перогрнуто у нихъ онымъ умозаключеніемъ (тогда или теперь, по тупости ли ума моего или

по своему дѣйствительному вѣсу сила этого аргумента необходима), не можетъ заставить ихъ отступить отъ своего мнѣнія, такъ какъ они имѣютъ еще основаніе утверждать что и при этомъ не слѣдуетъ соглашаться ни съ чѣмъ. Ибо можетъ случиться, что когданибудь они или кто либо другой могутъ найти и противъ этого нѣчто, что будетъ сказано остроумно и съ вѣроятностію; и что образъ и какъ бы нѣкое отраженіе этого слѣдуетъ усматривать въ извѣстномъ Протееѣ, о которомъ рассказывается, что онъ обыкновенно ловился, когда его вовсе не ловили, а искавшіе его никогда не могли его найти, развѣ только по какому либо указанію божественному. Если такое указаніе будетъ и удостоить открыть намъ эту истину, составляющую предметъ столькихъ стараній, то и я, даже и противъ ихъ воли, чего однакоже не предполагаю, признаю ихъ побѣжденными.

— Дѣло идетъ такъ хорошо, говорю я, что лучшаго я и не желаю. Ибо, прошу обратить вниманіе, сколько и въ какомъ родѣ высказано полезнаго для меня. Во первыхъ, Академики представляются уже до такой степени побѣжденными, что имъ не остается другаго средства въ защитѣ, кромѣ такого, которое невозможно. Ибо кто въ состояніи какимъ либо образомъ понять или повѣрить, что побѣжденный, на основаніи того самаго, чѣмъ побѣжденъ, станетъ выставять себя побѣдителемъ? За тѣмъ, если у насъ и останется еще нѣкоторый предметъ спора съ ними, то онъ не въ томъ, что они говорятъ, будто нельзя ничего знать, а въ томъ, что они утверждаютъ, будто ничему не слѣдуетъ довѣрять. Итакъ мы пришли теперь къ соглашенію. Ибо какъ мнѣ, такъ и имъ кажется, что мудрый знаетъ мудрость. Они совѣтуютъ только удерживаться отъ довѣрія. Ибо говорятъ, что имъ только кажется; но знать,—какъ говорю я о себѣ, что знаю,—они ни коимъ образомъ не знаютъ. Говорю и я, что мнѣ то или другое кажется. потому что я

глупъ, какъ и они, если не знаютъ мудрости. Но все же я думаю, что мы должны утверждать нѣчто, т. е. истину. Спрашиваю я ихъ, отрицаютъ ли они это, т. е. полагаютъ ли они, что истинѣ не слѣдуетъ довѣрять. Они этого не говорятъ никогда, а стоятъ на своемъ, что ее нельзя найти. Итакъ они имѣютъ и въ данномъ случаѣ во мнѣ отчасти союзника себѣ, потому что и я и они не отвергаемъ, а слѣдовательно по необходимости полагаемъ, что съ истиною слѣдуетъ соглашаться. Но кто, говоритъ, докажетъ ее? На этотъ разъ я не стану съ ними спорить. Для меня достаточно уже много, что невѣроятно, чтобы мудрый ничего не зналъ, дабы не приудить ихъ утверждать безсмыслицу въ родѣ той, что мудрость есть ничто, или что мудрый не знаетъ мудрости.

ГЛАВА VI.

Безъ помощи божественной невозможно воспріятіе истины.

Ты сказалъ, Аппій, кто можетъ показать истину; и я постараюсь всячески быть въ этомъ согласнымъ съ тобою. Только нѣкоторая божественная сила, говорилъ ты, можетъ показать человѣку, что истинно; это и кратко, и имѣетъ благочестиво. Въ этой рѣчи нашей я ничего не выслушалъ болѣе пріятнаго, болѣе серьезнаго, болѣе вѣроятнаго, и если этому, какъ вѣрю я, присуща сила божественная,—болѣе истиннаго. Да и въ самомъ воспоминаніи твоемъ о Протѣѣ, какая возвышенность ума, какое стремленіе къ высочайшему роду философіи! Протей этотъ (замѣтьте юности, что философія не вовсе считаетъ презрѣнными поэтотъ) выставлена за образъ истины. Въ стихахъ, говорю, Протей показывается и представляетъ собою олицетвореніе истины, которою никто не можетъ овладѣть, если, обольстившись ложными образами, ослабить или выпустить изъ рукъ свѣти по-

знанія. Ложные же образы суть тѣ, которые по условіямъ тѣлесной жизни посредствомъ тѣхъ чувствъ, которыми мы пользуемся для необходимостей этой жизни, вводятъ насъ въ обольщеніе и обманъ въ ту пору, когда истина достигнута и какъ бы находится уже въ рукахъ. Это третье изъ того, что высказано полезнаго для меня, и чему я не нахожу цѣны. Ибо мой искреннѣйшій другъ согласенъ сомною не только въ вѣроятномъ человѣческой жизни, но и въ самой религіи; а это вѣнѣйшій признакъ истиннаго друга. Ибо по самому точному и святому опредѣленію, дружба есть благосклонное и любовное согласіе въ вещахъ человѣческихъ и божественныхъ.

ГЛАВА VII.

*Августинъ, по совету Алінія, держитъ dalje непре-
рывную рѣчь противъ Академиковъ.*

Впрочемъ, чтобы аргументы Академиковъ не казались распространяющими нѣкотораго тумана, или чтобы инымъ не показалось, что мы гордо возстаемъ противъ авторитета ученѣйшихъ мужей, между которыми особенно не можетъ не быть близкимъ нашему сердцу Туланъ (*Cicero*), и прежде, если вамъ угодно, вступлю въ короткое разсужденіе противъ тѣхъ, кому вышеприведенные выводы кажутся противными истинѣ. Затѣмъ, согласно своему мнѣнію, я покажу, кака была у Академиковъ причина срывать свое воззрѣніе. Итакъ, Аліній, хотя я и вижу тебя всецѣло стоящимъ на моей сторонѣ, прими на время сторону ихъ, и отвѣчай мнѣ.—Такъ какъ ты сегодня, отвѣчалъ онъ, выступилъ, какъ говорится, при добрыхъ предзнаменованіяхъ; то я не стану мѣшать твоей полнѣйшей побѣдѣ, и попытаюсь по твоему требованію принять эту сторону съ большимъ уже спокойствіемъ; если впрочемъ то, что полагаешь дѣлать посредствомъ вопросовъ, ты обратишь, смотри по

удобству, въ рѣчь непрерывную, чтобы этими маленькими стрѣлами меня, твоего уже плѣнника, не терзать какъ дѣйствительнаго упорнаго противника, что совершенно несогласно и съ твоимъ человеколюбіемъ.

— Замѣтивъ, что и другіе ожидали этого, я, какъ бы дѣлая новое вступленіе, сказала: уступаю вашему желанію. И хотя послѣ извѣстнаго труда по нѣколѣ риторической я предполагалъ найти нѣкоторое отдохновеніе въ этомъ легкомъ упражненіи, разъясняя дѣло болѣе вопросамъ, чѣмъ рѣчию: однако, принимая во вниманіе съ одной стороны, что насъ очень не много, и потому мнѣ нѣтъ необходимости говорить особенно громко со вредомъ для моего здоровья, а съ другой—что въ этомъ стилѣ ради того же здоровья я рѣшилъ имѣть своего рода возицу и сдерживатели для своей рѣчи, чтобы не приходить въ болѣе возбужденное душевное состояніе, чѣмъ сколько того требуетъ попеченіе о тѣлѣ, я изложу, согласно вашему желанію, въ непрерывной рѣчи то, что думаю. Но прежде всего рассмотримъ одно обстоятельство, которымъ любители Академиковъ имѣютъ обыкновеніе особенно хвалиться. Въ книгахъ Цицерона, писанныхъ въ защиту этого ученія, есть одно мѣсто, изложенное на мой изгладъ съ удивительнымъ остроуміемъ, а на изгладъ другихъ—съ особою силою. Дѣйствительно, трудно предположить, чтобы кого либо не заинтересовало сказанное тамъ, а именно, что мудрому Академику всѣ, кажушіеся самимъ себѣ мудрыми, послѣдователи другихъ сектъ отводятъ второе мѣсто, уския первое естественно каждый самому себѣ. Изъ чего съ вѣроятностію можно заключать, что тотъ справедливо по собственному суду своему будетъ первымъ, кто по суду всѣхъ остальныхъ есть второй.

Представь себѣ для примѣра, что является на лицо мудрый Стопкъ (ибо противъ нихъ по преимуществу направлено остроуміе Академиковъ). И вотъ если Зенона или Хри-

вышла спросить, кто мудрей.—онъ отвѣтитъ, что мудрый тотъ, кого слышатъ всѣ. напротивъ того Епискупъ или другой кто либо изъ крѣпко оговорясь, можетъ стать отрицать это и будетъ настаивать, что судья—это искусившійся ловець насаждений. Дождется двѣ до зора. Зенонъ кричитъ, и весь такъ возмущенъ божьими подвѣдами треволнуетъ, что челоуѣкъ рождается не для чего другого, а для только для чести, что она гласитъ, что всѣ души своими собственными божествомъ, безъ всякаго обмана какихъ либо вымышленныхъ плотоу и безъ крѣпкой награды; а такъ называемое удовольствіе Епискупа общае одинакъ съ нами, и утѣшать въ обществѣ съ нами всѣхъ людей крѣпко. А этотъ напротивъ, создалъ изъ садовъ на помощь себѣ какъ бы вольную толпу людей ислышекъ, бѣда подъ тайнѣмъ слышащихъ кого бы растерзать и похитить и плыти и грубымъ языкомъ, выставилъ въ слухъ народа прельщающее значеніе насаждения, крѣпкости, бжол, съ какою настаиваетъ, что безъ нихъ никто не можетъ быть блаженнымъ. На споръ ихъ случайно приходятъ Академикъ, изслушивать обоихъ, изъ коихъ каждаго тянуть его на свою сторону. Согласенъ онъ съ тѣмъ или другимъ стоить, сторона оставленная имъ произвѣстать его сумасбродство, извѣстившимъ и безразсуднымъ. Но онъ внимательно изслушаетъ и ту, и другую, и когда спроситъ его, какъ это ему кажется, отвѣтитъ, что онъ сомѣвается. Спроси послѣ этого Стоика: кто лучше, Епискупъ ли, который произвѣстаетъ его помышленнымъ, или Академикъ, который заявляетъ, что о такомъ важномъ предметѣ ему нужно еще подумать? Итъ сомѣши, что Академикъ будетъ поставленъ выше. Обратись затѣмъ къ другому и спроси, кого онъ больше любитъ, Зенона ли, который называетъ его животнымъ, или Архезилая, отъ котораго слышитъ: «Ты, можешь быть, и вравдуговоришь, но я изслѣдую это внимательнѣе». Не очевидно ли,

Блаженнаго Августина.

что Епикуръ признаеть весь такъ называемый портикъ безумнымъ, а Академикомъ сравнительно съ ними людьми скромными и осмотрительными? Въ такомъ родѣ съ особою полнотою представляеть Цицеронъ читателямъ забавившеся зрѣлище, относительно всѣхъ сектъ, какъ бы показывая, что нѣтъ въ нихъ никого, кто, усвоивъ себѣ, какъ и естественно, первое мѣсто, не отводилъ бы втораго тому, кого усматриваетъ не отвергающимъ, а только сомнѣвающимся. Въ этомъ случаѣ я не противорѣчу и не отнимаю у нихъ никакой славы. Но нѣкоторымъ справедливо кажется, что Цицеронъ здѣсь не шутилъ, а хотѣлъ собрать и представить въ одномъ очеркѣ нѣкоторые проявленія безсмыслицы и пустоты, чуждыя ¹⁾ легкомыслию самихъ грековъ.

ГЛАВА УІІІ.

Опровергается приведенное изъ Цицерона мѣсто.

Дѣйствительно, если бы я пожелалъ противостать этому хвастовству, мнѣ ничто не мѣшаетъ показать съ несомнѣнною ясностію, что гораздо меньшее зло быть неученымъ, чѣмъ неспособнымъ чему нибудь научиться. Въдѣ если бы этотъ хвастливый Академикъ явился бы къ каждому въ качествѣ ученика и никто не былъ бы въ состояніи убѣдить его въ томъ, въ чемъ считаетъ себя знающимъ,—онъ былъ бы по томъ осмѣянъ ими съ полнымъ единодушіемъ. Ибо каждый изъ нихъ придетъ къ заключенію, что того или другаго изъ противниковъ своихъ онъ не могъ ничему научить, а этотъ ничему не могъ научиться. Поэтому въ концѣ всего его выпали бы изъ всѣхъ школъ не розгами, что было бы болѣе небрасиво, чѣмъ больно, а дубинами и палками извѣстныхъ греческихъ ученыхъ. Ибо не велика трудность противъ об-

¹⁾ По нѣкоторымъ изданіямъ—*нечуждыя*.

щей язвы обратиться къ помощи своего рода геркулесовскихъ орудій дилликовъ. А если бы издумалось спорить съ ними изъ-за этой ничтожнѣйшей славы, что мнѣ хотя и философствующему, но еще не мудрому, весьма извинительно, — что могутъ они пайти такого, что въ состояши опровергнуть? Представимъ себѣ, что я и Академикъ понали на описанные споры философовъ; всѣ они при томъ на лицо. Всѣ, смотря по обстоятельствамъ, излагають кратко свои мнѣнія. Спрашиваютъ у Карнеада, какъ думаетъ онъ. Тотъ отвѣчаетъ, что онъ сомнѣвается. Етъ силу этого каждый изъ нихъ поставилъ его выше остальныхъ. А слѣдовательно и всѣ — выше всѣхъ. Слава дѣйствительно великая и высокая. Кто не захотѣлъ бы подражать ему? Поэтому, когда и меня спросятъ, я отвѣчу тоже. Похвала будетъ расная. Итакъ мудрый утѣшается такою славой, въ которой равняется съ нимъ глупый? А что если глупый даже и превзойдетъ его? Не будетъ ли стыдно? Я остановлю напримѣръ этого Академика, когда онъ уже будетъ выходить изъ суда. Вѣдь глупость болѣе жадна къ славѣ этого рода. Итакъ, задержавъ его, я открою судьямъ то, чего они не знаютъ. И скажу имъ: почтенные мужи, я имѣю съ нимъ то общее, что оба сомнѣваемся, кто изъ васъ держится истины. Но мы имѣемъ и свои особые мнѣнія, на счетъ которыхъ я прошу вашего суда. Хотя мнѣ, когда я слышу ваши главные положенія, и неизвѣстно, на чьей сторонѣ истина; но это потому, что я не знаю, кто изъ васъ мудръ. А этотъ не допускаетъ, чтобы и мудрый что либо зналъ, не исключая и самой мудрости, отъ которой носитъ названіе мудраго. Кому не ясно, чьею будетъ вышесказанная пальма? Если противникъ мой подтвердитъ это, я превзойду его славой. А если, изъ-за стыда, признаетъ, что мудрый знаетъ мудрость, я одержу надъ нимъ побѣду образомъ мыслей.

КЛАВА IX.

Разбирается опредѣленіе Зенона.

Но удивляясь изъ этого спорнаго трибунала въ какое нибудь мѣсто, идѣ вась не безпокоила бы никакая толпа, и о селѣ бы— въ ту минуту Платона, которая, говорить, отъ тебя получила и свое имя, что была для народа недоступна! Здѣсь, конечно, это будетъ по силамъ нашимъ, поговоримъ между собою уже не о славі, что легкомыслимо и привычно дѣтиямъ, а о счастъ жизни и о нѣкоторой надеждѣ душевнаго блаженства. Агносты отрицають возможность знать что либо. Скуда у вась такое заключеніе, люди преданнѣйшіе наукѣ и ученнѣйшіе?—Насъ поколебаетъ, говорить они, опредѣленіе Зенона.—Отъ чего такъ, сираширски? Ибѣ если оно истинно, —то звать нѣчто истинное тотъ, кто по крайней мѣрѣ знаетъ его. А если оно ложно, —оно не должно было колебать людей истиннѣйшихъ. Но посмотримъ, что говоритъ Зенонъ. Ему кажется, что можетъ быть познаваемо и воспринимаемо такое, что не вышло бы признакомъ общихъ ея свойствъ. Это ли побуждало тебя, человекъ много Платоновой, стѣмать себѣ силами у желасущихъ учиться надеждѣ научиться, чтобы при помощи нѣкоторой, достойной вѣры, умственной снѣсенности они оставили всякое занятіе ондоговіемъ?

— Но какъ-де оно и не побуждало бы его, если онъ ничего такого найти не можетъ, а между тѣмъ можетъ воспріять только такое?—Но если это такъ, то слѣдовало лучше сказать, что мудрость недоступна человѣку, чѣмъ говорить, что мудрый не знаетъ, для чего живетъ, —не знаетъ, какимъ образомъ живетъ, —не знаетъ, живетъ ли, и наконецъ—привратнѣ, безтолковнѣ и глупѣ что нельзя придумать—что онъ въ одно и тоже время и мудръ, и не знаетъ мудрости. Не тверже ли положеніе, что человекъ не можетъ быть муд-

рымъ, чѣмъ—мудрый не знаетъ мудрости? Не о чемъ будетъ и спорить, если дѣло поставлено такъ, что разсужденій не требуется. — Но если такъ будетъ сказано, люди-де могутъ совершенно бросить философію; а теперь они должны быть вводимы въ заблужденіе пріятнѣйшимъ и свѣтлѣйшимъ именемъ мудрости. — Но для чего? — Чтобы, утративъ годы жизни и ничему не научившись, обывать чуждыми проявленіями тебя, послѣдовать которому они пошли, какихъ бы тамъ ни было, удовольствій члвческихъ, а приобрѣли терзанія душевныя.

Но на самомъ дѣлѣ, кто болѣе отвратить людей отъ философіи? — Тотъ ли, кто скажетъ: послушай другъ мой, философіею называется не сама мудрость, а любовь къ мудрости; если ты къ ней обратишься, то хотя и не будешь мудрымъ, пока живешь (ибо мудрость у Бога, и человѣку доступна быть не можетъ), однако если достаточно утвердишь себя въ любви къ ней и очистишь себя, то духъ твой послѣ этой жизни, т. е. когда перестанешь быть человѣкомъ, несомнѣнно будетъ владѣть ею? — Или тотъ, кто скажетъ бы: Обратитесь смертные къ философіи; къ ней великая польза. Ибо что дороже для человѣка мудрости? Обратитесь къ ней, чтобы быть мудрыми, но мудрости, впрочемъ, вы не узнаете... — И такъ не сказать бы, говорить онъ. — Но это значитъ—обманывать; потому что у тебя содержится именно это, а не другое что. Поэтому, если ты скажешь такъ, они удалятся отъ тебя, какъ отъ безумнаго; а если другимъ образомъ приведеши ихъ къ тому же, сдѣлаешь ихъ безумными. Но допустить, что въ силу того и другого мнѣнія люди одинаково не захотятъ философствовать. Пусть опредѣленіе Зенона выпуждаетъ сказать нечто вредное для философіи. Что слѣдуетъ, любезный мой, сказать человѣку,—то ли, что заставить его горевать о себѣ, или то, что заставить посмѣяться надъ тобою?

Впрочемъ, насколько при своей глупости можемъ, разберемъ опредѣленіе Зенона. Онъ говоритъ, что можно уловить знаніемъ тотъ образъ, который является такъ, какъ образъ ложный явиться не можетъ. Очевидно, что ничто другое не можетъ подлежать и воспріятію.—И я такъ же смотрю на дѣло, говоритъ Архсизай, и на этомъ основаніи учу, что ничего нельзя воспріять. Потому что ничего такого открыть нельзя.—Можетъ быть и нельзя это тебѣ и другимъ глупымъ. Но почему бы это нельзя мудрому? Впрочемъ я полагаю, что ты не могъ бы отвѣтить ничего и самому глупому, если онъ скажетъ тебѣ, чтобы ты съ своимъ замѣчательнымъ остроуміемъ опровергъ это самое опредѣленіе Зенона: если ты не будешь въ состояніи этого сдѣлать, то само же оно для тебя и есть предметъ воспріятія; а если опровергнешь, то не будетъ для тебя основанія не допускать воспріятія. Я не вижу возможности опровергнуть его, и потому считаю вполне истиннымъ. Слѣдовательно, зная его, я, хотя и глупъ, нѣчто знаю. Но пусть оно подается передъ изворотливостію ума твоего. Я употребляю въ дѣло самую надежную дилемму. Опредѣленіе это или истинно, или ложно. Если оно истинно, то я справедливо держусь его; а если ложно, то можетъ подлежать воспріятію нѣчто, хотя бы имѣло признаки общіе съ ложнымъ.—Откуда, скажетъ онъ, можетъ?—Въ такомъ случаѣ Зенонъ опредѣлялъ совершенно истинно, и всякій, кто съ нимъ согласился по крайней мѣрѣ въ этомъ, не впалъ въ заблужденіе. Развѣ это недостаточный признакъ достоинства и точности опредѣленія, если оно, вопреки имѣвшимъ многое возражать противъ воспріятія, обозначая, каково тѣ, что можетъ подлежать воспріятію, показывать такимъ себя же само? Поэтому оно служить и опредѣленіемъ предметовъ познаваемыхъ, и образчикомъ такихъ предметовъ.—Но, отвѣчаешь онъ, истинно ли и оно само, я не знаю. Но еслилику оно вѣроятно, то сдѣлаю ему

я показываю, что такого нѣтъ ничего, какое, по его выраженію, можетъ подлѣзгать познанію.—Показываешь скорѣе вопреки ему, и видишь самъ, что изъ этого слѣдуетъ. Ибо если мы находимся и въ сомнѣніи относительно его, и въ такомъ случаѣ знаніе не оставляетъ насъ. Мы знаемъ по крайней мѣрѣ, что оно или истинно, или ложно; слѣдовательно не вовсе ничего не знаемъ. Хотя меня лично никакой выводъ не заставитъ быть неблагодарнымъ, и я считаю это опредѣленіе совершенно истиннымъ. Ибо въ противномъ случаѣ они могутъ воспріять и ложное; а этого сильно боятся Академики. Или не могутъ воспріять и того, что похоже на ложное; слѣдовательно опредѣленіе то истинно. Но обратимся уже къ дальнѣйшему.

ГЛАВА X.

Два положенія Академиковъ. Противъ положенія, что ничего нельзя воспріять.

Хотя этого, если не ошибаюсь, можетъ быть достаточно для побѣды,—будетъ пожалуй мало для пресыщенія побѣдою. Два положенія высказываются Академиками, и противъ нихъ-то мы рѣшились выступить, насколько будемъ въ состояніи. Это — что *ничего нельзя воспріять*, и что *ничему не слѣдуетъ довѣрять*. О довѣриі послѣ; теперь же скажемъ о воспріятіи. Не утверждаете ли вы, что все ничего нельзя познать?—На этомъ вопросѣ проснулся Карнеадъ (ибо никто изъ нихъ не уснулъ менѣе глубокимъ сномъ, чѣмъ онъ) и оглянувшись очевидность вещей. И вотъ я представляю его, какъ это бываетъ, говорящимъ съ самимъ собою: Неужели ты, Карнеадъ, говоритъ онъ, станешь утверждать, что не знаешь, человѣкъ ли ты, или муравей? Вѣдь надъ тобою пожалуй восторжествуетъ Хризиппъ? Скажемъ, что мы не знаемъ того, надъ изысканіемъ чего тр-

дятся философы, а прочее-де до насъ не касается. Это для того, чтобы я, если заннусь при свѣтѣ обыденномъ и представляющемъ собою общее достоинство, могъ аппелировать къ тому неопредѣленному мраку, въ которомъ видѣть что нибудь развѣ только очи божественныя; а кто и разглядѣлъ бы, что я спотыкался и упалъ, тотъ не въ состояніи будетъ выдать меня сдѣльнымъ, а особенно относящимся *(къ философіи)* пресрительно, которымъ и сказать о томъ будетъ стыдно. — О греческая промывчатость! Выступашъ ты еллинколюбно, подкованная, снаряженная, но упустила изъ виду, что опредѣленіе это есть открытіе философа, что оно поставлено и утверждено въ самомъ преддверіи философіи. Если попытаться ты подрубить его, — облоду-острая сѣкира, отскочивъ, ударитъ въ толщи потому что, какъ скоро оно поколеблется, не только можетъ подвергнуть воспріятію нѣчто, но можетъ подвергать и то, что весьма похоже на ложь; если же не осмѣлишься его диспровергнуть, въ виду того, что оно служить для тебя порою, изъ которой ты бѣшено выскакиваешь и набрасываешься на осторожныхъ прохожихъ: то какой нибудь Гераклъ задушитъ тебя, какъ полудюльска Какуса, въ твою пещеру и съ же массою прикроетъ тебя въ назиданіе, что есть въ философіи нѣчто, что, какъ подобное ложному, не могло быть тебѣ неизвѣстнымъ. Врочевъ, попытайся перенести къ остальнымъ. Побуждающій меня къ этому папоситъ тебѣ лично, Барисадъ, великое оскорбленіе; потому что думаетъ, что я одержу надъ тобою, какъ мертвымъ, побѣду, съ какой бы стороны и на что бы ни нападалъ. Если же этого не думаетъ, то онъ безжалостенъ, принуждая меня выступить изъ укрѣпленій и сразиться съ тобою въ открытомъ полѣ; потому что пачавъ было выходить изъ нихъ, я попытлся назадъ, устранимый однимъ твоимъ именемъ, и сколько съ возвышеннаго мѣста бросить въ тебя стрѣлы, не знаю. Тѣ, подѣ наблюденіемъ которыхъ

мы сражались, вѣдали, достигли ли онѣ до тебя и что онѣ сдѣлали. Но что боюсь я, не вѣдали? Если память мнѣ не измѣняется, ты умеръ, и могилу твою уже не по праву отстаетъ Адаидъ; противъ тѣни же твоей Богъ легко мнѣ поможетъ.

Ты говоришь, что въ области философи ничто не можетъ подлежать воспріятію. А чтобы дать своей рѣчи болѣе широкое развитіе, ты хитраешься за сноты и разногласія философовъ, и думаешь, что эти разногласія дадутъ тебѣ оружіе противъ нихъ. Дѣйствительно, какъ разберемъ мы споръ между Демокритомъ и бывшими до него физиками о единомъ и безчисленныхъ мірахъ, когда между ними самимъ и его послѣдниками Кинизуромъ согласіе удержаться не могло? Ибо этотъ любитель роскоши, доводящій атомы, какъ бы молодымъ служанкамъ (т. е. маленькимъ дѣвкамъ), не держаться своего пути, а уклоняться туда и сюда на чужую дорогу произвольно, расточилъ черезъ тѣбѣ все родовое имущество. Но это меня несколько не касается. Ибо если знаніе чего либо въ этомъ родѣ относится къ мудрости, это отъ мудраго укрыться не можетъ. А если мудрость есть иное нѣчто, то мудрый ее знаетъ, а то презираетъ. Впрочемъ я, хотя и далекъ еще отъ соудства съ мудрымъ, кое-что знаю и въ этихъ физическихъ предметахъ. Такъ я знаю навѣрное, что міръ или одинъ, или не одинъ; а если не одинъ, то число міровъ или опредѣленное, или безконечное. Пусть Харисидъ покажетъ, что это положеніе похоже на ложное. Равнымъ образомъ я знаю, что этотъ нашъ міръ получилъ такое устройство или въ силу природы тѣлъ, или по волѣ нѣкоего провидѣнія. и что онъ или былъ и будетъ всегда, или, пачае свое существованіе, быть не перестанетъ, или, не имѣя во времени начала, будетъ имѣть въ немъ конецъ, или какъ началъ свое существованіе, такъ и не навсегда

пребудеть; и такого рода физических свѣдѣній я имѣю безчисленное множество. Этого рода истины представляются совершенно раздѣльно, и никто не можетъ смѣшать ихъ по какому либо сходству съ ложью.—Но ты прими изъ сказаннаго что нибудь опредѣленное, говоритъ Академикъ. — Не хочу. Потому что это значить: брось то, что знаешь; а говори то, чего не знаешь.—Но сужденіе колеблется.—Дѣйствительно, оно скорѣе колеблется, чѣмъ падаетъ: потому что поставлено ясно, и можетъ быть названо или ложнымъ, или истиннымъ. Я утверждаю, что знаю его. А ты, который не отрицаешь, что предметы этого рода относятся къ философіи и въ тоже время утверждаешь, что ничего изъ этого нельзя знать, докажи, что я этого не знаю: скажи, что эти раздѣленія ложны или что имѣютъ что либо общее съ ложью, чрезъ что вовсе не могутъ быть различаемы.

ГЛАВА XI.

Изъ слабости чувствъ не слѣдуетъ, чтобы ничто истинное не могло быть воспріемаемо; тоже и относительно сна и умопомышательства.

— Откуда, говоритъ онъ, ты знаешь, что этотъ міръ существуетъ, если чувства обманываются?—Ваши доказательства никогда не могли до такой степени подорвать значеніе чувствъ, чтобы вы убѣдили насъ, что мы ничего не видимъ. Да вы рѣшительно никогда и не осмѣливались на попытки этого рода, а съ особымъ усиліемъ старались убѣдить, что это можетъ быть иначе, чѣмъ какъ кажется. Итакъ, это все, каково оно ни есть, что насъ содержитъ, что насъ питаетъ, все это, говорю, что является моимъ глазамъ, что—чувствуется мнѣ—имѣетъ землю и небо, или какъ бы землю и какъ бы небо, я называю міромъ, Если ты говоришь: Мнѣ ничего не видится,—я въ заблужденіи не буду. Ибо въ

заблужденіи находитея тотъ, кто составляетъ неосновательное сужденіе о томъ, что ему кажется. Но вы говорите, что чувствующіе могутъ видѣть ложное, а не утверждаете, что они ничего не видятъ. Вся область снѣтязаній, въ которой вамъ угодно господствовать, совершенно уничтожилась бы, еслибы мы не только ничего не знали, но и ничего намъ не казалось. Если же ты отрицаешь, что кажущееся мнѣ есть міръ, то дѣлаешь предметъ спора ими, такъ какъ я называю это міромъ.

— Неужели, говоришь ты, міръ будетъ и тотъ, который ты видишь, когда спишь?—Сказано уже, что я называю міромъ все, что такимъ мнѣ кажется. Но если тебѣ угодно называть міромъ только тотъ, который видятъ бодрствующіе и даже здоровые, то докажи, если можешь, что снѣщіе или помѣшанные сходятъ съ ума и спятъ не въ мірѣ. Въ этомъ смыслѣ я и говорю, что вся эта масса тѣлъ и машина, въ которой мы существуемъ, сонные ли то или сумасшедшіе, бодрствующіе или здоровые, или одна, или не одна. Разъясни, какимъ образомъ это положеніе можетъ быть ложнымъ. Если я сплю, можетъ случиться, что я ничего не скажу; или если изъ устъ снѣщаго, какъ бываетъ обыкновенно, и вылетятъ слова, можетъ случиться, что я скажу не здѣсь, не такъ сидя, не въ слухъ этихъ людей; но чтобы это было ложно, быть не можетъ. Поэтому я и не говорю, чтобы воспринялъ это потому, что бодрствую. Ты можешь сказать, что это могло казаться мнѣ и сонному; и потому это можетъ быть весьма похоже на ложное. Но если міровъ одинъ и шесть, то въ какомъ бы я состояніи ни находился, міровъ, очевидно, семь, и я не безстыдно утверждаю, что знаю это. Докажи мнѣ, что это заключеніе или вышеприведенныя логическія положенія въ силу сна, или безумія, или обманчивости чувствъ могутъ быть ложны; тогда, если по пробужденіи вспомню ихъ, я признаю себя побѣжденнымъ. Я

считаю уже достаточно разъясненным то, что может казаться ложнымъ въ снѣ снѣ или безумиѣ: это то, что относится къ чувствамъ тѣлеснымъ. Ибо что трижды три есть девять, и представлять собою непрерывныя квадраты отъ единичныхъ чиселъ, будетъ вѣрно и въ ту пору, когда родъ человѣческій погруженъ въ глубокий сонъ. Хотя и о самыхъ чувствахъ я изложу возмозжныя сказать многое, что оказывается не опровергнутымъ Академиками. Ибо я не думаю, чтобы чувства были виноваты въ томъ, что безумные получаютъ ложныя представленія, или что мы видимъ ложное во снѣ. Если они бодрствующимъ и здоровымъ передаютъ истинное, то что бы ни измыслила для себя душа спящаго и безумствующаго, до нихъ не касается.

Остается изслѣдовать, истинну ли они передаютъ, когда дѣйствительно они передаютъ. Представь, что какойнибудь Епикуреецъ скажетъ: Я не имѣю ничего, за что стать бы обвинять чувства. Ибо несправедливо требовать отъ нихъ больше, чѣмъ сколько они дать могутъ; насколько же могутъ видѣть глаза, они видятъ истину.—Такъ неужели истинно то, что они видятъ относительно всела въ водѣ?—Совершенно истинно. Ибо если прилучилась причина, почему это такъ должно казаться, то я скорѣе стану бы упрекать свои глаза за ложное извѣщеніе въ этомъ случаѣ, если бы погруженное въ воду всею представлялось прямымъ. Ибо тогда они не видѣли бы того, что при существованіи такихъ причинъ слѣдовало видѣть.—Есть ли нужда въ чемъ большемъ? Тоже можетъ быть сказано о движеніи высокихъ башенъ, тоже о крыльяхъ птицъ, тоже объ остальномъ безчисленномъ.— Но я все же обманываюсь, если довѣрю, скажетъ кто нибудь.—Не довѣри больше, чѣмъ сколько нужно, чтобы убѣдить себя, что это такъ тебѣ кажется, и никакого обольщенія не будетъ. И не вижу, какъ Академикъ опровергнетъ того, кто говоритъ: Я знаю, что это мнѣ кажется бѣлымъ;

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
<http://kdais.kiev.ua>

шему, что въ виду сказаннаго уже потребуетъ отъ меня, если не ошибаюсь, немногого для своего разъясненія.

ГЛАВА XII.

Наставляетъ, что Академики неосновательно ссылаются на обманы чувствъ сна, и безумія.

Чему помогаешь или чему мѣшаешь тѣлесное чувство, когда издѣдывается вопросъ о добрыхъ нравахъ? Если и тѣмъ самымъ, которые полагали высшее благо человѣка въ наслажденіи, ни голубиная шейка, ни безотчетный голосъ, ни великая тяжесть для человѣка того, что легко верблюдамъ, не мѣшаютъ утверждать, что они знаютъ, что дѣйствительно наслаждаются тѣмъ, чѣмъ наслаждаются, или получаютъ боль отъ того, что имъ причиняется боль (чего я не вижу возможности отвергнуть): то развѣ поколеблять они того, кто верхъ блага полагаетъ въ разумѣ? Чего держишься ты изъ этихъ двухъ? Если спросишь, какъ мнѣ это кажется,—то я полагаю, что высшее благо человѣка въ разумѣ. Но въ данномъ случаѣ вопросъ идетъ о знаніи. Поэтому спроси мудраго, который не можетъ не знать мудрости; хотя впрочемъ и мнѣ, тупому и глупому, дозвоительно знать, что верхъ человѣческаго блага, съ которымъ соединяется блаженная жизнь, или не существуетъ вовсе, или находится въ душѣ, или въ тѣлѣ, или въ той и другомъ вмѣстѣ. Вотъ въ незначіи этого, если можешь, обличи меня; такъ какъ ваши пресловутые доводы ни коимъ образомъ этого не дѣлаютъ. Но если ты этого не можешь, потому что не находишь на какую ложь оно похоже: то поболбасуй ли я заключить, что мнѣ справедливо кажется, что мудрый знаетъ, что въ философіи есть нѣчто истинное, если и я успѣлъ узнать изъ ней такъ много истиннаго?

Но можешь быть онъ боится, чтобы выборъ высшаго блага не былъ сдѣланъ спящимъ? Опаснаго ничего нѣтъ:

когда проснется, отвергнется, если оно не поправится, и удержитъ, если поправится. Ибо кто, не нарушая справедливости, станетъ укорять его за то, что видѣлъ ложное во снѣ? Или быть можетъ ужаснется того, что спящій потеряетъ мудрость, если приметъ ложь за истину? На этотъ разъ онъ, хотя и не спитъ, осмѣливается утверждать бредъ, называя мудрымъ бодрствующаго, и отрицая за нимъ мудрость, если онъ спитъ. Все это можно сказать и о безуміи: по рѣчь спѣшитъ къ другому. Однако и не оставлю этого безъ самаго вѣрнаго заключенія. Или мудрость въ состояніи безумія теряется, и въ такомъ случаѣ не будетъ мудрымъ тотъ, кого вы провозглашаете не знающимъ истины; или знаніе его остается въ его умѣ, хотя остальная часть души все, что получаетъ отъ чувствъ, представляетъ себѣ какъ бы въ сновидѣніяхъ.

ГЛАВА XIII.

Многое можетъ подлежать познанію въ діалектикѣ.

Остается діалектика, которую истинно мудрый хорошо знаетъ, и которую, не впадая въ заблужденіе, можетъ знать всякій. Если же мудрый ее не знаетъ, — знаніе ея къ мудрости не относится, такъ какъ безъ него онъ могъ быть мудрымъ, и тогда излишне намъ доискиваться, истинна ли она и можетъ ли подлежать познанію. При этомъ случаѣ можетъ быть кто нибудь мнѣ скажетъ: Ты, глупый, имѣешь обычаи представлять въ болѣе широкихъ размѣрахъ то, что знаешь. Неужели ты могъ что нибудь узнать изъ діалектики? — Гораздо болѣе, чѣмъ изъ какой другой части философіи. Во первыхъ, это она меня научила, что все вышеприведенныя положенія, которыми я пользовался, истинны. За тѣмъ черезъ нее я узналъ и многое другое истинное. А какъ его много, сосчитайте, если можете. Если въ мірѣ четыре стихіи, то ихъ не пять. Если солнце одно, то ихъ не два. Одна и таже душа не можетъ умереть и быть безсмертною. Не можетъ человѣкъ

въ одно и тоже время быть и блаженнымъ и несчастнымъ. Въ данномъ мѣстѣ не можетъ и слово сѣбѣ и быть noch. Или мы бодрствуемъ, или спимъ. То, что, кажется мнѣ, и вижу, или есть тѣло, или не есть тѣло. Все это и многое другое, что было бы слишкомъ долго изъяснять, и узнавать отъ неч отъ истинное, и въ какомъ бы состояніи мы находились чувства даны, на истинное само въ себѣ. Она научила меня, что если часть предпринявшаго въ только что изложенныхъ живую помысливъ будеть признана, то она по необходимости поместить въ себѣ и то, что съ нею связано. А то, что и положить въ видѣ противоположностей или раздѣлений, мѣсто то сѣбѣ, что какъ скоро будеть отворнуто прочее, одно ли то, самъ истинно, останется нѣтъ, что получить подтвержденіе чрезъ устраненіе прочаго. Научила она меня также, что когда предать, ради котораго слова употреблены, истинно, то о словахъ говорить не должно. И если кто это дѣлаетъ, то будеть дѣлать по необходимости, долженъ быть предостереженъ, и будеть съ дурнымъ умысломъ, — оставаться. Если же правдою бы не является, нужно посоветовать ему не терять времени и труда по пустякамъ; и если не послушавъ, сѣдуетъ предсказать мнѣ. Искательно же умоважливываясь соединительныхъ и ложныхъ, правдою коротко: если они лужно обоснованы въ сдѣланной уступкѣ, сѣдуетъ уступленное возвращать. Если же истина и ложь соединяются въ одномъ заключеніи, нужно быть изъ него то, что подмѣнить разумно, а что не можетъ быть раскутано, то сѣдуетъ отбросить. Если жъ въ отношеніи въ выкинуть либо предметъ есть человекъ усматривать совершенно границы, добиваться знанія ихъ не сѣдуетъ. Все это и нѣмко отъ діалектики, равно какъ и многое другое, усматривать о чемъ нѣтъ необходимости. И не должно быть благодарнымъ. Но тотъ мудрый или пренебрегаетъ этимъ, или, если діалектика дѣйствительно самое знаніе истины, такъ ее знаетъ, что съ пре-

зрѣніемъ и безъ состраданія заставить умереть съ голоду ихъ ябеду на здравый смыслъ: если-де истинно, то ложно; если ложно, то истинно. Этого я полагаю достаточнымъ о воспріятіи; потому что когда я стану говорить о довѣріи, ко всему этому придется возвращаться снова.

ГЛАВА XIV.

Мудрый долженъ довѣрять по крайней мѣрѣ мудрости.

Итакъ перейдемъ теперь къ той сторонѣ предмета, въ отношеніи которой Аліній оказывается еще сомнѣвающимся. И во первыхъ, рассмотримъ свойство того самаго, что заставляетъ колебаться тебя, человѣкъ проницательнѣйшій и осмотрительнѣйшій. Ты сказалъ: Если мнѣніе Академиковъ, полагавшихъ, что мудрый не знаетъ мудрости, подтвержденное столькими и такими доказательствами, ниспровергается твоими соображеніями, которыя вынуждаютъ насъ признать гораздо болѣе вѣроятнымъ, что мудрый знаетъ мудрость: то это еще болѣе должно удерживать отъ довѣрія. Ибо это-де самое доказываетъ, что нѣтъ такого мнѣнія (какими бы многочисленными и точными доказательствами оно ни могло бы быть обставлено), которому съ противоположной точки зрѣнія человѣкъ даровитый не представилъ бы не менѣе, если не болѣе, остроумнаго опроверженія. Поэтому-де Академикъ, будучи побѣжденнымъ, окажется побѣдителемъ...—О еслибы побѣдѣть сего! Владѣй онъ хоть искусствомъ Цезаря, ему не удастся уйти отъ меня въ одно и то же время побѣжденнымъ и побѣдителемъ. Если же бы не оказалось возможнымъ возразить что нибудь другое противъ этого самаго, я охотно признаю себя побѣжденнымъ. Ибо у насъ рѣчь не о приобретеніи славы, а объ открытіи истины. Для меня достаточно важнымъ бы то ни было образомъ перешагнуть эту громаду, которая встаетъ наперсрѣзъ пути входящимъ въ философію, и

Блаженнаго Августина.

тепѣя не вѣсть какими закоулками, грозить, что и вся философія такова, и не позволять надѣяться найти въ ней сколько нибудь свѣта. Желаній чего либо большаго я не имѣю, если достигнута вѣроятность, что мудрый нѣчто знаетъ. Ибо если казалось вѣроятнымъ, что мудрый долженъ удерживаться отъ довѣрія, то лишь по той причинѣ, что было вѣроятно, что онъ ничего не можетъ познавать. Какъ скоро это устранено (ибо сдѣлана уступка, что мудрый знаетъ по крайней мѣрѣ самую мудрость), не остается основанія, почему бы мудрый не довѣрялъ по крайней мѣрѣ самой мудрости. Ибо нѣтъ сомнѣнія, что гораздо чудовищнѣе представить мудраго не одобряющимъ мудрости, чѣмъ мудраго не знающимъ истины.

Прошу васъ представить себѣ, если можно, какъ бы происходящимъ передъ нашими глазами такого рода зрѣлище.—Идти нѣкій споръ между мудрымъ и мудростію. Что иное утверждаетъ мудрость, какъ не то, что она есть мудрость? А тотъ напротивъ: Не вѣрю, говорить. Кто говорить мудрости: Не вѣрю, что ты мудрость? Кто, какъ не тотъ, съ кѣмъ она могла говорить и въ комъ удостоила обитать, т. е. мудрый? Идите теперь и отыскивайте меня, который борется съ Академиками: вы встрѣтите уже новое сраженіе; сражаются между собою мудрый и мудрость. Мудрый не хочетъ сочувствовать мудрости. Я съ вами спокойно жду конца. Ибо кто не увѣренъ, что мудрость необходима? Однако же оградимъ себя нѣкоторою дилеммою. Въ этомъ сраженіи или Академикъ побѣдитъ мудрость, и въ такомъ случаѣ будетъ побѣжденъ мною, потому что не будетъ мудрымъ; или будетъ побѣжденъ ею, и въ такомъ случаѣ мы докажемъ, что мудрый сочувствуетъ мудрости. Итакъ, или Академикъ не есть мудрый, или мудрый чему нибудь довѣряетъ: развѣ можетъ быть тотъ, кто постыдился сказать, что мудрый не знаетъ мудрости, не постыдится утверждать, что мудрый не

сочувствовать мудрости? Но если уже правдоподобно, что мудрому доступно знаніе по крайней мѣрѣ мудрости, и кѣтъ принципы, почему бы онъ не довѣрять тому, что можетъ познавать: то я нахожу правдоподобнымъ то, чего желать, т. е. что мудрый будетъ довѣрять мудрости. Если спросишь, гдѣ найдеть онъ эту мудрость, я отвѣчу—въ самомъ себѣ. Если скажешь, что онъ не знаетъ что имѣть.—возвратившись къ той нецѣлости, что мудрый не знаетъ мудрости. Если отрицашь возможность найти самаго мудраго, то объ этомъ разсудимъ въ другой рѣшн уже не съ Академиками, а съ тобою, который такъ думаешь. Ибо они, когда разсуждаютъ объ этомъ, разсуждаютъ именно о мудромъ. Себя самаго Цицеронъ называетъ исключительно челоувѣкомъ мнѣніи (предположений), но относительно мудраго ставитъ это предметомъ своего изслѣдованія. Если замъ, ѡшонн, это незнакомо еще, то можете прочесть въ Горлензѣ: »Итакъ если точнаго ничего нѣтъ, а довольствоваться мнѣніемъ не прилично мудрому, то мудрый ничего никогда не станетъ утверждать.« Отсюда очевидно, что въ своихъ разсужденіяхъ, противъ которыхъ мы ратуемъ, они говорятъ о мудромъ.

Итакъ я полагаю, что мудрому извѣстна мудрость, т. е. что мудрый воспріять мудрость. А поэтому, когда онъ довѣряетъ мудрости, онъ не гаданіями ограничивается. Ибо онъ довѣряетъ тому, не воспріавъ чего онъ не былъ бы мудрымъ. Да и они утверждаютъ, что не слѣдуетъ довѣрять только такимъ вещамъ, которыя не могутъ быть воспринимаемы. Мудрость же не есть ничто. Итакъ, если мудрый и знаетъ мудрость и довѣряетъ мудрости, то знаетъ онъ не ничто, и довѣряетъ не вещи не существующей. Чего же бы хотѣли вы большаго? Развѣ поговоримъ нѣсколько о томъ заблужденіи, котораго они полагаютъ избѣжать вовсе, если душа не будетъ склоняться довѣріемъ ни къ какому предмету?—Ибо заблуждается, говорятъ они, всякій, кто одобряетъ не

только вещь ложную, но и сомнительную, хотя бы она была и истина; несомнѣннаго же я не пахожу ничево.—По мудрый, какъ мы сказали, паходить такою самую мудрость.

ГЛАВА XV.

Избѣгаетъ ли заблужденія тотъ, кто руководится въ дѣятельности вѣроятнымъ безъ довѣрія.

Но вы желаете, можетъ быть, чтобы я уже оставилъ это. Не охотно оставляются мѣста надежнѣйшія, когда имѣешь дѣло съ людьми лукавѣйшими; тѣмъ не менѣе повишуюсь вамъ. По что скажу я потомъ? Что и какъ? Разумѣется, долженъ говорить то старое, на что имѣють и они что отвѣчать? Что въ самомъ дѣлѣ буду дѣлать я, котораго вы вытѣснили вонъ изъ своего лагеря? Не обращусь ли за помощію къ ученѣйшимъ, съ которыми быть можетъ, если побѣдить не удастся, менѣе стыдно будетъ остаться побѣжденнымъ? Итакъ брошу, насколько хватитъ силъ, копые хоть и заострѣлое, и работы грубой по, если не ошибаюсь, самое большое: »Кто ничего не утверждаетъ, тотъ ничего не дѣлаетъ; и откуда это у тебя, невѣжественный человѣкъ, вѣроятное? откуда истинноподобное?« — Исполнено ваше желаніе: Слышите ли, какъ звучать греческіе циты? Они приняли на себя, хоть и весьма массивное (копые), но съ такою же силою, съ какою нами брошено. Помощники мои ничего болѣе дѣйствительнаго мнѣ не доставили; и какъ вижу, мы не нанесли никакой раны. Обращусь къ тому, чѣмъ служить мнѣ деревня и поле: болѣе важное меня скорѣе обременяетъ, чѣмъ снабжаетъ.

Когда въ этой деревнѣ я долго размышлялъ на досугъ, какимъ образомъ это вѣроятное и истинноподобное могло бы предохранить наши дѣйствія отъ заблужденія, мнѣ показалось сперва, какъ обыкновенно казалося, когда я это мнѣніе поддерживалъ, что прикрытие и ограда этимъ дастся превосходная. Но затѣмъ, когда я обсудилъ все внимательнѣе, мнѣ

показалось, что я усмотрѣлъ одно отверстіе, чрезъ которое врывается заблужденіе къ считающимъ себя обезопасенными. Я полагаю, что не тотъ только заблуждается, кто слѣдуетъ ложнымъ путемъ, но и тотъ, кто не слѣдуетъ путемъ истиннымъ. Представимъ себѣ двухъ путешественниковъ, направляющихся къ одно и тоже мѣсто, изъ коихъ одинъ поставилъ себѣ за правило ничему не вѣрить, а другой довѣрчивъ до крайности. Прибыли они къ мѣсту, гдѣ дорога раздвояется. Довѣрчивый обращается къ случившемуся тутъ пастуху или какому либо другому поселеннику: Здравствуй, добрый человѣкъ; скажи, пожалуйста, по какой дорогѣ слѣдуетъ идти въ такое-то мѣсто? Тотъ отвѣчаетъ: Если пойдешь этою, не заблудишь. Тогда онъ къ спутнику: Онъ говоритъ правду; отправимся этою. — Смыслетъ мужъ осторожнѣйшій, и забавнѣйшимъ образомъ потѣшается надъ такимъ легковѣремъ, и когда тотъ уходитъ, между тѣмъ, останавливается на распутии. Черезъ нѣсколько времени ему начинаетъ уже казаться неприличнымъ стоять, какъ вдругъ съ другой вѣтви дороги появляется кѣній изящно одѣтый и съ виду образованный всадникъ и начинаетъ приближаться. Тотъ очень радъ. Когда всадникъ подъѣзжаетъ, тотъ, поздоровавшись съ нимъ, сообщаетъ ему куда направляется, спрашиваетъ о дорогѣ, рассказываетъ и причину своей остановки, чтобы расположить его къ большому благоволенію за предпочтеніе его пастуху. А случилось такъ, что это былъ филляръ изъ тѣхъ, которыхъ народъ зоветъ самардаками. Негодный человѣкъ остался вѣренъ своему ремеслу, даже и безплатно. — Ступай этою дорогою, говоритъ онъ: я ѣду отсюда. — Обманулъ и уѣхалъ. — Но развѣ онъ-де когда нибудь обманется? — Я не признаю, рассуждаетъ онъ, этого увазанія за истинное; но я считаю его истинноподобнымъ. Притомъ, оставаться здѣсь и неприлично, и безполезно; поѣду этою дорогою. — И вотъ, между тѣмъ какъ тотъ, который ошибся

довѣрѣны. принявъ сразу за истину слова настуха, уже отдыхалъ на мѣстѣ, куда отиравался: этотъ не ошибающійся, хотя руководитъ вѣроятнымъ, колесить не вѣсть по какимъ лѣсамъ и не встрѣчать уже и такого человѣка, которому было бы извѣстно самое мѣсто, куда онъ предполагалъ идти. Скажу вамъ откровенно,—когда я представлялъ себѣ это, я не могъ удержаться отъ смѣха, что Академики какимъ-то образомъ сочиняютъ, что идущій прямою дорогою, хотя бы и случайно, заблуждается, а тотъ, котораго ведутъ непроходимыми горами, и который не находитъ той страши, куда стремится, оказывается не заблуждающимся. Если заслуживаетъ справедливаго осужденія безразсудное довѣрѣе, то скорѣе они оба заблуждаются, чѣмъ не заблуждается этотъ. Послѣ этого я сталъ уже внимательнѣе сопоставлять съ ихъ мнѣніями самыя поступки и нравы человѣческіе. Но тогда мнѣ пришла на мысль такъ много и такого важнаго противъ нихъ, что я уже не смѣлся, а отчасти негодовалъ, отчасти скорѣлъ, что люди ученѣйшіе и даровитѣйшіе вдали въ такія преступленія мысли и въ такія постыдныя дѣла.

ГЛАВА XVI.

Дѣлать то, что кажется вѣроятнымъ, хотя бы и безъ душевнаго къ тому расположенія, преступно.

То, пожалуй, вѣрно, что не всякій, кто заблуждается, грѣшитъ; однакоже всякій, кто грѣшитъ, или дозволяетъ себѣ заблуждаться или дѣлаетъ что худшее. Представимъ себѣ, что какой нибудь юноша услышитъ ихъ разсуждающими такъ: »Постыдно заблуждаться, и потому мы не должны соглашаться ни съ чѣмъ. Однакоже тотъ не грѣшитъ и не заблуждается, кто дѣлаетъ то, что ему кажется вѣроятнымъ. Одно только пусть помнить, что слѣдъ не долженъ принимать за истину ничего, что представляется его думѣ или чувствомъ.« Итакъ юноша это услышитъ и повлечется на цѣломудріе чужой жены. Справизаю по этому предмету троюго

миѣнія, Маркъ Тулліѣ: мы трактуемъ о правахъ юношей и о жизни, воспитаніи и уиорядоченіи которой посвящены все твои сочиненія. Что другое скажешь ты, какъ не то, что тебѣ не вѣроятно, чтобы юноша такъ поступилъ? Но смущаю вѣроятно. Ибо если бы мы жили на основаніи чужаго вѣроятнаго, то и ты не долженъ былъ управлять республикою; потому что Еливуру казалось, что этого не слѣдуетъ дѣлать. Итакъ тотъ юноша обезпечить чужую жену. Гдѣ же тогда, если будетъ пойманъ въ преступленіи, наидеть онъ тебя, который защитилъ бы его; а если бы и нашелъ, что скажешь ты тогда? Ставись конечно отрицать. Но что если дѣло такъ ясно, что запретельство будетъ напраснымъ? Ставись безъ сомнѣнія убѣждать, какъ въ гимназій куманской, а до того времени—пеанопитанской. что онъ-де ничѣмъ не согрѣшилъ, и даже въ существѣ дѣла не впасть въ заблужденіе. Потому что онъ не убѣдилъ себя, какъ въ петлѣ, въ томъ, что онъ долженъ былъ совершить прелюбодѣяніе, а представлять это себѣ какъ вѣроятное, послѣдовало ему, сдѣлать; а можетъ быть и не сдѣлать, а показалось ему, что сдѣлать. А этотъ мужъ, человѣкъ глупый, все переноситъ въ своихъ жалобахъ, вступаясь за честь своей жены, съ которою можетъ быть и теперь спитъ, по того не знаетъ.—Если судьи это уразумѣють, они или оставляютъ Академиковъ безъ вниманія и накажутъ преступленіе какъ ничтожное дѣйствительное, или послушавъ ихъ же самихъ, осудить человѣка правдоподобно и вѣроятно, такъ что и самъ этотъ патронъ его не будетъ знать, что далѣе дѣлать. Сердился ему будетъ не на бога, потому что все скажутъ ему, что они не впади въ заблужденіе, какъ скоро, не доверяя ничему, они поступили такъ, какъ имъ казалось вѣроятнымъ. И вотъ онъ сложитъ съ себя личину патрона, а приметъ личину философа утѣшителя: и юношу, оказавшаго уже въ Академіи такіе успѣхи. легко убѣдитъ, чтобы онъ счи-

талъ себя осужденнымъ какъ бы во снѣ. Но вы думаете, что я шучу. Готовъ поклясться всѣмъ божественнымъ, что рѣшительно не знаю, какимъ образомъ онъ согрѣшитъ, если не грѣшитъ никто, кто дѣлаетъ то, что кажется ему вѣроятнымъ. Развѣ быть можетъ они скажутъ, что иное совершенно заблуждаться, и иное грѣшить, и что они проповѣдуютъ извѣстные правила, чтобы мы не заблуждались, а грѣхъ не считаютъ дѣломъ важнымъ.

Умалчиваю о человекоубійствахъ, оскорбленіяхъ величества, святотатствахъ, о всѣхъ вообще постыдныхъ дѣлахъ и преступленіяхъ, которыя могутъ быть совершены или задуманы, и которыя, что особенно тяжело, оправдываются у мудрѣйшихъ судей немногими словами: Я не сочувствовалъ этому въ душѣ, и потому не сдѣлалъ ошибки. Но какъ же бы я этого не сдѣлалъ, если оно казалось мнѣ вѣроятнымъ? А кто не думаетъ, что въ этомъ можно убѣдиться какъ въ вѣроятномъ, тѣ пусть прочитаютъ рѣчь Батлины, въ которой онъ убѣждаетъ выступить на разрушеніе отечества,—на дѣло, въ которомъ содержатся всѣ преступления? —Кто не посмѣется тому, о чемъ была рѣчь прежде? Сами же они говорятъ, что въ своихъ дѣйствіяхъ слѣдуютъ только вѣроятному, но ищутъ всячески истины, когда имъ вѣроятно, что ее найти нельзя. Удивительная чудовищность! Но то оставимъ. Оно насъ не касается, не имѣетъ особой важности для нашей жизни, не грозитъ опасностію нашему благосостоянію. Вотъ это опасно, это странно, это должно внушать ужасъ всякому честному человеку: если указанное воззрѣніе будетъ принято за вѣроятное, то всякое злодѣяніе,—если только кому нибудь покажется вѣроятнымъ, что его слѣдуетъ совершить,—онъ совершитъ, не подвергаясь укору не только за преступленіе, но и за заблужденіе, лишь бы онъ не сочувствовалъ этому какъ истинѣ. Итакъ чтоже? Неужели они не видѣли этого? Нѣтъ, видѣли какъ нельзя

проницательнѣе и всестороннѣе. Я никакимъ образомъ не позволю себѣ думать, чтобы я могъ въ какомъ нибудь отношеніи угнаться за М. Туллиемъ въ томъ, что касается непустота, бдительности, дарованій, учености. Однакоже если бы ему, когда онъ утверждалъ, что человѣкъ не можетъ ничего знать, сказали только одно: я знаю, что это мнѣ такъ кажется,—онъ не нашелъ бы, чѣмъ это опровергнуть.

ГЛАВА XVII.

Почему Академики скрывали свое мнѣніе.

Итакъ, почему такимъ мужамъ вздумалось постоянными и упорными спорами вести дѣло такъ, чтобы казалось, что знаніе истины недоступно никому? Выслушайте теперь нѣсколько повнимательнѣе не то, что я знаю, а то, что я думаю; я прибегну къ концу, чтобы объяснить вамъ, если буду въ состояніи, общую цѣль, которую, на мой взглядъ, имѣли въ виду Академики. О Платонѣ, этомъ мудрейшемъ и ученѣйшемъ мужѣ своего времени, который такъ говорилъ, что все, что бы онъ ни сказалъ, было великимъ, и такое говорилъ, что какъ бы ни высказалъ, оно не было малымъ,—объ этомъ Платонѣ говорятъ, что по смерти учителя своего Сократа, котораго онъ особенно любилъ, онъ изучалъ многое и у Пифагорейцевъ. Пифагоръ же, недовольный греческою философіею, которая въ то время или почти не существовала, или содержалась въ слишкомъ большой тайнѣ, слушая, путешествуя повсюду, многихъ мудрыхъ послѣ того какъ, подъ вліяніемъ разсужденій пѣвкого сирійца Ферциды, пришелъ къ убѣжденію, что душа бессмертна. Итакъ говорятъ, что Платонъ, присоединявъ къ сократовской привлекательности и тонкости, какую высказывалъ въ нравственнаго свойства разсужденіяхъ, знаніе вещей естественныхъ и божественныхъ, которое старательно приобрѣлъ отъ тѣхъ, о комъ я упомянулъ, и прибавивъ къ этому, какъ бы

образовательницу и судью означенных частей философии, диалектику, которая или сама есть мудрость, или такова, что безъ ней мудрость рѣшительно невозможна,—Платонъ составлялъ совершеннѣйшую систему философии, о которой, впрочемъ, входить въ разсужденія въ настоящее время не у мѣста. Для моей цѣли достаточно сказать, что Платонъ думалъ, что есть два міра, одинъ подлежащій умственному разумѣнію, другой подлежащій чувствамъ,—очевидно тотъ, который мы ощущаемъ посредствомъ зрѣнія и осязанія. Первый онъ считалъ истиннымъ, а послѣдній истинноподобнымъ и созданнымъ по образу того. И поэтому онъ представлялъ, что въ дунѣ самосознающей истина какъ бы прощипается и выисывается изъ того міра; а въ душахъ глупыхъ отъ міра этого можетъ рождаться не знаніе, но мнѣніе. А то, что совершается въ этомъ мірѣ силою тѣхъ добродѣтелей, которые онъ называлъ гражданскими, подобныхъ добродѣтелямъ истиннымъ, не извѣстнымъ никому, кромѣ не многихъ мудрыхъ,—то, думалъ онъ, можно называть только истинноподобнымъ.

Все это и другое того же рода между послѣдователями его, какъ мнѣ кажется, насколько возможно соблюдалось и сохранялось какъ таинство. Это или потому, что усвоится оно легко только тѣмъ, которые, очистивъ себя отъ всѣхъ пороковъ, усваиваютъ себѣ пѣкоторый шипъ, болѣе чѣмъ человеческій образъ жизни; или потому, что тяжело грѣшнить тому, кто, зная это, захотѣлъ бы этому учить всякаго встрѣчнаго. Поэтому я предполагаю, что когда Зенонъ, глава Стоиковь, пришелъ въ школу оставленную Платономъ, которую тогда поддерживалъ Подемонтъ,—пришелъ послѣ того, какъ пѣкоторыхъ уже слушалъ и отнесся къ ихъ ученію довѣрчиво,—его приняли подозрительно и не сочли такимъ, которому бы упомянутое ученіе Платона, какъ бы пѣкіе священные догматы, сразу слѣдовало открывать и вѣрять.

прежде чѣмъ позабудеть то, что принесъ въ эту школу замѣтованное отъ другихъ. Полемонъ умираетъ. Ему наследуетъ Архезилай, хотя и соученикъ Зенона, но съ учительскимъ званіемъ Полемона. Поэтому когда Зенонъ сталъ увѣскался своимъ мнѣніемъ о мірѣ и особенно о душѣ, составляющей предметъ попеченія для истинной философіи, говоря, что она смертна, что кромѣ этого чувствешнаго мира ничего нѣтъ и что въ немъ дѣйствуютъ только силы тѣлесныя, такъ какъ и самаго Бога онъ представлялъ огнемъ: то Архезилай, когда это это мало по малу распространилось шире, по моему мнѣнію, весьма мудро и съ великою пользою скрылъ рѣшительно мнѣніе Академіи, и законалъ его какъ бы золото, которое должны были найти когда нибудь потомки. А такъ какъ толпа очень склонна бросаться въ ложныя мнѣнія, и по привычкѣ къ тѣлесному весьма легко, по со вредомъ, слагается убѣжденіе, что все тѣлесно: то остроумнѣйшій и человеколюбивѣйшій мужъ поставилъ для себя цѣлю лучше разучивать худо наученныхъ, которыхъ къ себѣ принималъ, чѣмъ учить тѣхъ, кого считаемъ неспособными къ наученію. Отсюда и родилось все то, что приписывается Академіи новой, такъ какъ древніе необходимы въ этомъ не имѣли.

Если бы въ свое время очнулся Зенонъ и увидѣлъ, что какъ познанію можетъ поддежать лишь такое, какое опредѣляетъ онъ, такъ и то, что такого ничего нельзя найти въ тѣлахъ, которыми онъ усвоилъ все: то уже давно прекратился бы этотъ родъ споровъ, возбужденный крайнею необходимостію. Но Зенонъ подъ видомъ мнимаго постоянства былъ, какъ казалось самимъ Академикамъ и какъ кажется и мнѣ, упрямъ; и эта нагубная вѣра въ тѣлесное дошла, какъ смогла, до Аризиды, который, какъ человѣкъ весьма сильный, готовъ былъ дать ей большія средства для широкаго распространенія, если бы съ другой стороны Барнеадъ,

бывшій болѣе остроумнымъ и бдительнымъ, чѣмъ всѣ его предшественники, не противостоялъ ей съ такимъ отпоромъ, что и удивляюсь, какъ послѣ того мнѣніе это еще могло удерживать нѣкоторую силу. Ибо Карнеадъ прежде всего отложилъ это своего рода безстыдство порицанія, которымъ, какъ онъ видѣлъ, не мало обезславилъ себя Архезилай, — оглохнулъ, чтобы не казалось, будто онъ хочетъ говорить противъ всего изъ тщеславія; а поставилъ прямо своею задачею опроверженіе Стопковъ и Хризиппа.

ГЛАВА XVIII.

Какимъ образомъ Академики ввели върозное.

Далѣе, такъ какъ онъ подвергся бы со всѣхъ сторонъ надевію за то, что мудрый, если и ничему не довѣрялъ ничего бы не дѣлалъ, — онъ (человѣкъ поистинѣ удивительный, или пожалуй потому неудивительный, что выходилъ изъ самыхъ основъ Платоновой философіи) весьма мудро обратилъ вниманіе на свойство тѣхъ дѣйствій, которыя они одобряли, и разсматривая ихъ какъ подобныя какимъ-то истиннымъ, назвалъ истиноподобнымъ все, чѣмъ должна была руководиться дѣятельность человѣка въ этомъ мірѣ. Чему это было подобнымъ онъ прекрасно зналъ, но мудро скрылъ, и называлъ также это върознымъ. Ибо тотъ имѣетъ понятіе объ образѣ, кто усматриваетъ подражаніе ему. Ибо какимъ бы образомъ мудрый одобрялъ, или какимъ бы образомъ онъ слѣдовалъ подобію истины, если бы не зналъ, что такое само истинное? Итакъ они знали и одобряли ложное, въ которомъ усматривали похвальное подражаніе истиннымъ предметамъ. Но неслику обнаруживать это передъ непосвященными было преступно и неудобно, они оставили это потомкамъ, а въ свое время тѣмъ, кому могли, показывали знаки своего мнѣнія. Послѣднимъ, прекраснымъ діалектикамъ, они шуткою и насмѣшкою запрещали возбуждать споры изъ — за словъ Поэтому-то о Карнеадѣ говорить, что онъ былъ главою и основателемъ даже третьей Академіи.

Столкновеніе это продолжалось потомъ до нашего Туллія, но оно уже было тогда ослабѣвшимъ совершенно и должно было надуть латинскую литературу своимъ послѣднимъ дыханіемъ. Миѣ въ самомъ дѣлѣ ничего не кажется надутѣе, какъ наговорить съ большимъ обиліемъ и краснорѣчіемъ множество разныхъ вещей, думая объ нихъ иначе. Однако-же этими пѣтрами, какъ кажется миѣ, былъ достаточно разнесень и разбѣянъ извѣстный изъ сѣна сложенный Платонпѣтъ Антиохъ (ибо стада Епикурейцевъ устроили козлиныя столбы въ дунахъ сладострастныхъ народовъ). Этотъ Антиохъ былъ слушателемъ Филона, —человѣка, насколько слышалъ я, осмотрительнѣйшаго, который уже начинать отказывавшимся отъ своего миѣнія врагамъ какъ бы открывать двери, и возвращать Академію къ ученію и законамъ Платона. Прежде него пытался сдѣлать это и Метродоръ, о которомъ говорить, что онъ первый сознался, что невозможность познанія не есть основное положеніе Академиковъ, но что этого рода оружіе они признали по необходимости противъ Стоиковъ. Итакъ Антиохъ, какъ началъ я говорить, бывъ слушателемъ Академика Филона и Мнестарха Стоика, пробрался въ древнюю Академію, какъ бы не имѣвшую защитниковъ, да при отсутствіи врага и беззаботную,—пробрался въ качествѣ споспѣшника и гражданина, внося въ тоже время навою-то свѣрху изъ враха Стоиковъ, которою оскорбилъ святыню Платона. Тогда, схвативъ снова прежнее оружіе, ему противустоялъ, пока не умеръ, Филопъ, а оставленное имъ покончилъ нашъ Туллій, не могшій равнодушно видѣть, что предметъ его любви былъ диспровергаемъ и сквернимъ. Черезъ небольшой промежутокъ времени послѣ того, когда всякое упрямство и упорство прекратилось, чистѣйшее и свѣтлѣйшее въ философіи лицо Платона, раздвинувъ облаки заблужденія, возсіяло, особенно въ Плотинѣ. Этотъ философъ платоникъ до такой степени былъ признакъ похожимъ на Платона, что казалось, будто

они жили вмѣстѣ, а въ виду раздѣлявшаго ихъ огромнаго промежутка времени — что одинъ ожить въ другомъ.

ГЛАВА XIX.

Многообразный родъ философин.

Въ настоящее время мы не видимъ почти философовъ, кромѣ Циниковъ, Перипатетиковъ, Платониковъ. И Циниковъ между прочимъ потому, что имъ доставляетъ удовольствіе нѣкоторая свобода и распущенность жизни. Что же касается ученія и основныхъ положеній философскихъ, и тѣхъ нравовъ, которые признаются полезными для души, то нашлись такіе проникательнѣйшіе мужи, которые своими разсужденіями уяснили, что Аристотель и Платонъ такъ между собою согласны, что кажутся противорѣчащими только людямъ несвѣдущимъ и невнимательнымъ. Поэтому, хотя и многими вѣками и продолжительными спорами, однако, какъ думается мнѣ, выработана наконецъ одна система истиннѣйшей философин. Философин эта не есть философин этого міра, которой совершенно отвращается наша религія, но философин другого, постигаемаго умомъ. Въ этотъ міръ и самый тончайшій разумъ никогда не воззвать бы души, ослѣпленной разнообразными нравами заблужденія и замѣшанныя толстыми слоями грязи тѣлесной, если бы верховный Богъ, по нѣкоторому милосердію къ народу, не приклонилъ и не низвелъ высоты божественнаго ума къ самому человѣческому тѣлу, чтобы души, возбужденныя не только заповѣдями, но и дѣлами Его, могли войти въ самихъ себя и безъ особыхъ состязаній устремились взоры на отчизну.

ГЛАВА XX.

Заключеніе сочиненія.

Таковы мои убѣжденія относительно Академиковъ, къ которымъ я пришелъ какъ къ вѣроятнымъ, насколько могъ. Если они должны, мнѣ то неважно: для меня достаточно не

думать, чтобы человекъ не могъ найти истину. Кто же полагаетъ, что Академики именно такъ думали, тотъ пусть выслушаетъ самаго Цицерона. Ибо онъ говоритъ, что они имѣли обыкновеніе скрывать свое мнѣніе, и если обыкновенно отрывали его, то лишь тому, съ кѣмъ доживали вмѣстѣ до самой старости. Какое это было мнѣніе, известно Богу; но я полагаю однако же, что это было мнѣніе Платона. Чтобы передать вамъ коротко всю общую мысль мою, скажу, что въ какомъ бы положеніи человѣческая мудрость ни находилась, я не считаю еще себя постигшимъ ее. Но имѣя отъ роду тридцать третій годъ, я полагаю, что не долженъ отчаиваться когда нибудь приобрести ее. Но крайней мѣрѣ, презрѣвъ все остальное, что смертными признается за благо, я порѣшилъ предаться всецѣло изслѣдованію ея. Такъ какъ отъ этого дѣла меня не мало отслабали умозаключенія Академиковъ, то думаю, что я достаточно ограничъ себя отъ нихъ этимъ разсужденіемъ. Никто не сомнѣвается, что учиться насъ побуждаетъ двойная сила, сила авторитета и сила разума. Но для меня рѣшено одно, что я никогда отнюдь не уклонюсь отъ авторитета Христова; ибо не нахожу болѣе сильнаго. Что же касается изслѣдованій чистаго разума, то я уже такъ настроенъ, что если бы особенно сильно пожелалъ уразумѣть что либо истинное не вѣрою только, но и пониманіемъ, увѣренъ, что найду это у Платониковъ между тѣмъ, что не противорѣчитъ нашей религіи.

Когда я закончилъ свою рѣчь, была уже ночь, и все что было занесено уже при внесенной лампадѣ. Однако наши юноши съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали, побуждастъ ли Аліній отвѣчать на нее по крайней мѣрѣ на другой день. — Тогда онъ сказалъ: Я готовъ утверждать, что никогда ничего не произошло такъ согласно съ моимъ желаніемъ, какъ то, что я выхожу изъ настоящаго состязанія побѣжденнымъ; и думаю, что радость эта не должна быть

только моею радостію. Я подѣляюсь ею съ вами, мои соперники или наши судьи. Быть побѣжденными при такихъ условіяхъ отъ своихъ потомковъ желали, конечно, и сами Академики. Да и что можетъ намъ казаться или представиться пріятнѣе этого извѣстнаго рѣчи, обдуманнѣе этой серіозности сужденій, благосклоннѣе доброжелательства, опытнѣе знанія? Я рѣшительно не могу достойно подвинуться, съ какою тонкостію разбирались вопросы трудные, съ какою смѣлостію рѣшались безнадежные для рѣшенія, съ какою свѣрочностію — несомненно доказанные, съ какою ясностію — темные. Поэтому свое нетерпѣніе, которымъ вы, друзья мои, вызывали меня на отвѣтъ, обратите вмѣстѣ со мною на занятіе наукою, съ болѣе вѣрною на этотъ разъ надеждою. Мы имѣемъ такого вождя, который по указанію Божию проведетъ уже насъ въ самыя таинныя истины.

Тогда я, замѣтивъ по выраженію лица ихъ, что они были какъ бы обмануты въ своемъ дѣтскомъ ожиданіи, на которое Алипій очевидно отказывался отвѣчать, улыбаясь сказать: Вы завидуете, что мени хвалить. Но такъ какъ въ постоянствѣ Алипія я уже увѣренъ, и нисколько это не боюсь, то чтобы и вы меня поблагодарили, я дамъ вамъ оружіе противъ него, за то что онъ оскорбилъ чувство вашего увѣреннаго ожиданія. Читайте Академиковъ, и когда найдете тамъ (а что можетъ быть этого легче?), что Цицеронъ торжествуетъ надъ этими пустяками, то заставьте его тогда защищать эту нашу рѣчь противъ тѣхъ необходимыхъ доводовъ. Такъ сильно я наказываю тебя, Алипій за твои ложныя мнѣ похвалы. — Они засмѣялись, и своему спору мы положили конецъ, — очень ли пречный, не знаю, но скромный и скорый болѣе, чѣмъ я надѣялся.

~ ~ ~ ~ ~

О ЖИЗНИ БЛАЖЕННОЙ.

ОДНА КНИГА.

Эта, три дня веденная книга, содержитъ въ себѣ состязанія, посвященныя Θεодору, которыя сводятъ дѣло къ опредѣленію, что блаженная жизнь исключительно состоитъ въ поклонѣніи Бога.

ГЛАВА I.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Посвящаетъ книгу Θεодору, и открываетъ ему, кѣ-клими своего рода вѣтрами онъ-загнанъ былъ въ гавань христіанской философіи. Поводъ къ состязанію.

Если бы, мужъ благосклоннѣйшій и великій Θεодоръ, въ ту гавань, изъ которой вступаютъ уже въ страну и на почву блаженной жизни, приводилъ разумомъ данное направ-леніе (кораблю) и сама собою взятая добрая воля: то не знаю, имѣлъ ли бы я или не имѣлъ основаній сказать, что этой гавани тогда достигало бы гораздо меньшее число людей; хотя и теперь, какъ видимъ, входятъ въ нее весьма рѣдкіе и немногіе. Ибо когда Богъ, или натура, или законъ необ-ходимости, или наша воля, или что иное съ этимъ со-единенное, или все это вмѣстѣ (ибо вопросъ этотъ весьма темный, хотя ты уже и взялся за его разъясненіе) бросаетъ насъ какъ бы безпричинно и какъ пришлось въ этотъ міръ будто въ нѣкое бурное море: насколько и кто отдалъ бы

Блаженного Августина.

себѣ отчетъ, куда ему нужно стремиться, какою стороною возвращаться. если бы когда ишбѣдъ какая либо неизгода, вѣжущаяся глупымъ несчастною, не прибила къѣдущихъ и блуждающихъ, противъ даже ихъ воли, и вопреки принятому ими направленію, къ землѣ желаннѣйшей?

Итакъ люди, которыхъ философія можетъ приять (въ свою гавань), вѣжются мнѣ какъ бы тремя родами плавающихъ. Одинъ изъ нихъ тѣ, которые съ недалежнаго разстоянія, гдѣ застанеть ихъ возрастъ, владѣющій разумомъ, при помощи небольшого взмаха и удара весель уходягъ и утвываются въ этомъ повоинномъ мѣстѣ; и оттуда остальнымъ гражданамъ, кому могутъ, подають ясенѣйшій знакъ что кому дѣлать, дабы недоумленные этимъ стремились къ нимъ. Другой родъ, противоположный предыдущему, представляютъ собою тѣ, которые, обольстившись обманчивымъ видомъ моря, порѣшили выйти въ открытое море, отважились плавать вдали отъ родины и часто ее забываютъ. Если такимъ (не знаю, какъ это бываетъ, но бываетъ чрезвычайно таинственнымъ образомъ) подуетъ вѣтеръ отъ кормы, считающіеся благопріятнымъ, — они доходятъ до величайшихъ бѣдствій, гордятся и радуются, что имъ постоянно лѣстять самое обманчивое ведро наслажденій и почестей. Чего, въ самомъ дѣлѣ, пожелать имъ въ такихъ обстоятельствахъ, которыя, подталкивая, улавливають ихъ, какъ не дурной погоды, а если мало, то и жестокой бури и противнаго вѣтра, который бы привелъ ихъ, хоть плывущихъ и вздыхающихъ, но къ радостямъ вѣрнымъ и прочнымъ? Впрочемъ изъ этого рода многіе, еще не очень далеко забредшіе, бывають приводимы назадъ нѣкоторыми и не столь великими скорбями. Это тѣ люди, которые, или вслѣдствіе печально-трагической судьбы своихъ богатствъ, или же вслѣдствіе досадливыхъ неудачъ въ мелкихъ дѣлахъ, какъ бы за немнѣніемъ другихъ запитій вчитавшись въ книги людей ученыхъ и мудрѣйшихъ,

пробуждаются пѣкоторымъ образомъ въ самой гавани, откуда уже не выманиваютъ ихъ никакія обѣщанія коварно улыбающагося моря. Третій между этими родъ людей представляютъ собою тѣ, которые на самомъ ли то порогѣ юности, или уже много и долго носимые вѣтромъ, усматриваютъ позади себя нѣкоторые знаки, вспоминаютъ среди волнъ о своей мѣлой отчизнѣ, и ничѣмъ не обманываясь, несколько не медля, слѣзаетъ къ ней по прямому направленію; а большая часть ихъ, сбившись съ прямого пути среди тумановъ, или располагая его по заходящимъ звѣздамъ, или обольстившись нѣкоторыми соблазнами, откладываютъ время добраго плаванія и блуждаютъ долѣе; часто они подвергаются и опасности. Часто и ихъ пригоняетъ къ желаннѣйшей и мирной отчизнѣ крушеніе скоротечныхъ благъ, какъ бы нѣкая противная ихъ усиливаетъ буря.

Но всеъ они, какимъ бы кто образомъ ни были принесены къ странѣ жизни блаженной, должны крайше стараться и съ особою осторожностію избѣгать одной ужаснѣйшей горы, расположенной передъ самою гаванью, которая причиняетъ и входящимъ великія опасности. Пбо она такъ блеситъ, такъ блистательна ложнымъ свѣтомъ, что не только дошедшимъ, но еще не вошедшимъ предлагаетъ себя для обитанія и обѣщаетъ удовлетворить всемъ ихъ пожеланіямъ, какъ и самая блаженная земля: но весьма часто привлекаетъ къ себѣ людей изъ самой гавани и удерживаетъ ихъ иногда на себѣ, давая имъ наслаждаться самою высотой, откуда имъ пріятно съ презрѣніемъ смотрѣть на остальныхъ. Впрочемъ послѣдніе нерѣдко напоминаютъ идущимъ, чтобы они остерегались скрытыхъ подъ водою скалъ, или чтобы не считали дѣломъ легкимъ взойти къ нимъ; и самымъ благосклоннѣйшимъ образомъ наставляютъ, какъ войти (въ гавань), не подвергаясь опасности отъ сосѣдства этой земли. Завидуя имъ въ пустѣйшей славѣ, они показываютъ такимъ образомъ мѣсто

надежнѣйшее. Подъ этою горою, которой должны опасаться приближающіеся къ философїи и вошедшіе въ оя область, здравый смыслъ даетъ разумѣть не другое что, какъ горделивое пристрастіе къ пустѣйшей славѣ. До такой степени она не имѣетъ внутри себя ничего плотнаго и твердаго, что ходящихъ по ней гордецовъ погружаетъ и поглощаетъ въ проламывающуюся хрупкую почву, и возвращая ихъ въ мракъ, лишаетъ свѣтлѣйшаго дома, который они почти уже видѣли.

Если это такъ, вникни, мой Θεодоръ,—ибо въ тебѣ я вижу и всегда чту единственнаго и наиболѣе способнаго человека, могущаго удовлетворить моимъ желаніямъ,—вникни, говорю, къ какому роду людей изъ означенныхъ трехъ я принадлежу, въ какомъ мѣстѣ я на твой взглядъ пахожусь, и какого рода помощи я могу навѣрное ждать отъ тебя. Мнѣ было двадцатый годъ моего возраста, когда въ школѣ ритора и прочиталъ извѣстную книгу Цицерона, называемую Гортензіемъ, и воспламенился такою любовію къ философїи, что помышлялъ перейти къ ней тогда же. Но какъ не было для меня недостатка въ туманахъ, которые затруднили мой путь; такъ долго, признаюсь, руководился я и погружающимися въ океанъ звѣздами, которыя вводили меня въ заблужденіе. Смерть удерживала меня отъ изслѣдованія этого рода нѣкоторая дѣтская робость; а когда я сдѣлался бодрѣе, разогналъ этотъ мракъ и пришелъ къ убѣжденію, что скорѣе слѣдуетъ вѣрить учащимъ, чѣмъ повелѣвающимъ,—попалъ на такихъ людей, которымъ этотъ, воспринимаемый глазами, свѣтъ казался достойнымъ почитанія паравѣ съ высочайшимъ и божественнымъ. Я съ этимъ не соглашался: но думалъ, что они скрываютъ подъ этимъ покровомъ что-то великое, что откроютъ когда нибудь послѣ. Когда, по разсѣяніи ихъ, я ускользнулъ отъ нихъ, особенно послѣ того, какъ переплылъ это море, мои руки, противоборствующие всѣмъ вѣтрамъ, долго среди волнъ держала въ своихъ рукахъ Ака-

девки. Затѣмъ пришелъ я въ эти земли; здѣсь узналъ сѣверное созвѣздіе, которому могъ себя ввѣрить. Изъ рѣчей нашего священника, а иногда изъ твоихъ, я увидѣлъ, что не слѣдуетъ мыслить ничего тѣлеснаго, когда мыслишь о Богѣ, равно и когда мыслишь о душѣ; такъ какъ это предметъ одинъ изъ всѣхъ—ближайшій къ Богу. Но признаюсь, привлекательность женщины и служебной карьеры удерживала меня погрузиться немедленно въ догматику философіи: извѣдавши это, я полагалъ потомъ уже,—что удастся перемогти счастливѣйшимъ,—устремитесь на всѣхъ парусахъ и веслахъ въ эту гавань, и тамъ успокоитесь. Прочитавъ же нѣсколько книгъ Платона, жаркимъ приверженцемъ котораго я тебя знаю, и сопоставивъ съ ними, насколько могъ, авторитетъ тѣхъ, которые предали намъ божественныя тайны, я воспламенился до такой степени, что готовъ былъ обрубить всѣ эти якоря, если бы не поколебало меня мнѣніе нѣкоторыхъ людей. Затѣмъ, что больше оставалось, какъ не то, чтобы на помощь мнѣ, предававшемуся пустымъ упражненіямъ, подоспѣла буря, считающаяся несчастіемъ? И вотъ меня охватила такая сердечная боль, что не будучи въ состояніи переносить тяжесть той профессіи, которая, быть можетъ, унесла бы меня къ сиренамъ, я бросилъ все и привелъ разбитый въ щепы корабль въ желанное затишье.

Итакъ ты видишь, въ какой философіи, какъ бы въ гавани, плаваю я. Но хотя эта гавань широко раскрывается предо мною и хотя ея пространство уже менѣе опасно, однако и она не исключаетъ вполне заблужденія. Ибо я рѣшительно не знаю, къ какой части земли, единственно блаженной, приблизиться и пристать мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что твердаго выработалъ я, когда меня колеблетъ и приводитъ въ недоумѣніе еще вопросъ о душѣ? Посему умоляю тебя во имя твоей добродѣтели, во имя человеколюбія, во имя союза и общенія душъ, протяни мнѣ руку. А это значить,

люблю меня и вѣрь, что въ свою очередь и я люблю тебя, и ты мнѣ дорогъ. Если я вымолю это у тебя, то весьма легко и безъ особеннаго усилія достигну самой блаженной жизни, обладателемъ которой считаю тебя. А дабы ты зналъ, чѣмъ я занимаюсь и какъ собираю своихъ друзей къ той гавани, и дабы отсюда полнѣе узналъ мою душу (иныхъ знаковъ я не нахожу, которыми бы показалъ тебѣ себя), я рѣшилъ адресовать тебѣ и посвятить твоему имени начало моихъ состязаній, которое, мнѣ кажется, вышло и болѣе благоговѣнно, и болѣе достойно твоего имени. И это весьма естественно: потому что мы разсуждали о блаженной жизни; а я не вижу ничего, что болѣе слѣдовало бы назвать даромъ Божиимъ. Меня не смущаетъ твое краснорѣчье: ибо не могу и бояться того, что люблю, хотя имъ и не обладаю; а высоты фортуны боюсь еще менѣе: ибо на твой взглядъ, какъ бы она ни была велика, она имѣетъ второстепенное значеніе; надъ кѣмъ же она господствуетъ, тѣмъ самихъ дѣлаетъ вторыми. Теперь прошу тебя выслушать то, что я передамъ тебѣ.

Въ полѣвекія иды былъ день моего рожденія. Послѣ обѣда, настолько скромнаго, чтобы не обременить имъ ни одной изъ душевныхъ способностей, и позвалъ всѣхъ, которые въ этотъ день, какъ и ежедневно, раздѣляли съ нами столъ, посидѣть въ банн; потому что это мѣсто представлялось мнѣ соответствующимъ погодѣ и уединеннымъ. Были же со мною, — осмѣливаюсь сдѣлать наъ поименно извѣстными твоему рѣдкому радушію, — во первыхъ моя мать, заслугѣ которой, думаю, принадлежитъ все, чѣмъ я живу; потомъ братъ мой Навиги; затѣмъ граждане и ученики мои Тригеній и Лиценцій; даже мнѣ хотѣлось, чтобы находились тутъ же мои двоюродные братья, Астидіанъ и Рустиръ; хотя они не терять ничего даже изъ грамматиковъ, но ихъ общій здравый смыслъ я считалъ необходимымъ въ дѣлѣ, которое предпринималъ. — Былъ, наконецъ, съ нами и наименьшій изъ всѣхъ дѣтми,

но способности котораго, если не обманывать меня любовь, общаются нѣчто великое; это—мой сынъ Адеодатъ. Когда они настроятъ свое вниманіе, я началъ такъ.

ГЛАВА II.

Состязаніе перваго дня.

Мы состоимъ изъ души и тѣла. Для тѣла необходима пища. И для души существуетъ своего рода пища. Тотъ не блаженъ, кто не имѣетъ чего желаетъ. Но блаженъ и не всякій имѣющій то, чего желаетъ. Что долженъ приобрести человекъ, чтобы быть блаженнымъ. Кто имѣетъ Бога. Академикъ не можетъ быть блаженнымъ, следовательно онъ не мудръ.

Представляется ли намъ яснымъ, что мы состоимъ изъ души и тѣла?—Когда всѣ согласились, Навигій отвѣчалъ, что онъ этого не знаетъ.—Совершенно ли ты ничего не знаешь, спрашиваю я, или къ кое-чему такому, чего ты не знаешь, слѣдуетъ причислить и это?—Не думаю, отвѣчать, чтобы я ничего не зналъ.—Можешь ли, спрашиваю, сказать намъ что-нибудь изъ того, что знаешь?—Могу, говорить.—Скажи же, говорю, что-нибудь, если это не тяжело для тебя. И когда онъ колебался, я спросилъ: знаешь ли, по крайней мѣрѣ, что ты живешь?—Знаю, говорить.—Знаешь, следовательно, и то, что имѣешь жизнь? Никто вѣдь не можетъ жить иначе, какъ жизнью.—Знаю, говорить, и это.—Знаешь и то, что имѣешь тѣло?—Сказалъ, что знаешь.—Итакъ, ты знаешь уже и то, что состоишь изъ тѣла и жизни?—Между прочимъ знаю и это; но тѣло ли только и жизнь существуютъ, этого не знаю.—Итакъ, говорю, въ этихъ двухъ, тѣлѣ и душѣ, ты не сомнѣваешься; но не знаешь, нѣтъ ли чего еще и другаго, что служить въ гонимости и усовершен-

ствованію человѣка. — Да, говорить. — Что это такое, — мы говорю, изслѣдуемъ, если можемъ, въ другое время; а теперь, поелику мы всѣ согласны, что человѣкъ не можетъ быть ни безъ тѣла, ни безъ души, — я всѣхъ спрашиваю: ради чего изъ нихъ мы нуждаемся въ пищѣ? — Ради тѣла, говоритъ Лиценцій. Остальные же колебались и разсуждали между собою, какимъ это образомъ пища можетъ казаться необходимою для тѣла, когда она требуется для жизни, а жизнь принадлежитъ только душѣ. — Кажется ли вамъ, сказалъ я тогда, что пища имѣетъ отношеніе къ той части, которая, какъ мы видимъ это, отъ пищи возрастаетъ и дѣлается крѣпче? — Съ этимъ согласились всѣ, за исключеніемъ Тригемія. Онъ возразилъ: Отчего же не выросъ я больше изслѣдствіе своей прожорливости? — Всѣ тѣла, сказалъ я на это, имѣютъ свой, природою установленный размѣръ, переростать который они не могутъ; однако они дѣлаются меньше къ объемъ, если имъ недостаетъ пищи, какъ это легче всего мы замѣчаемъ на животныхъ. И никто не сомнѣвается, что тѣла всѣхъ животныхъ худѣютъ, какъ скоро лишаютъ ихъ пищи. — Худѣть, возразилъ Лиценцій, не значитъ уменьшаться. — Для того, сказалъ я, чего мнѣ хотѣлось, достаточно и сказаннаго. Ибо вопросъ въ томъ, принадлежитъ ли тѣлу пища? А она принадлежитъ ему, потому что тѣло, когда его лишаютъ пищи, доводится до худобы. — Всѣ согласились, что это такъ.

Не существуетъ ли, спросилъ я, и для души своей пищи? Представляется ли вамъ пищею души знаніе? — Совершенно такъ, отвѣчала мать: и полагаю, что душа питается не инымъ чѣмъ, какъ разумѣніемъ вещей и знаніемъ. Когда Тригемію это мнѣніе показалось сомнительнымъ, мать сказала ему: Не самъ ли ты нынѣ научилъ насъ тому, откуда и гдѣ питается душа? Ибо, послѣ одного обѣденнаго блюда ты сказалъ, что не замѣтилъ, какою мы пользовались посудой, потому что думалъ о чемъ-то другомъ, хотя отъ самого блю-

да не удерживалъ рукъ и зубовъ. Итакъ, гдѣ былъ твой духъ въ то время, когда не наблюдалъ за этимъ при твоей ѣдѣ, оттуда и такого рода пищею, вѣрь мнѣ, и питается твоя душа, питается т. е. умозрѣніями и размысленіями, если можетъ чрезъ нихъ познать что нибудь.—Не согласны ли вы,—сказалъ я, когда они шумно заспорили объ этомъ предметѣ,—что души людей ученѣйшихъ какъ бы въ своемъ родѣ полифе и больше, чѣмъ душа несвѣдущихъ? — Несомнѣнно такъ, отвѣчали.—Значитъ, будетъ правильно сказать, что души тѣхъ людей, которые не обогащены никакою наукою, не насыщены никакимъ добрымъ познаніемъ, души тощія и какъ бы голодныя?—Полагаю, возразилъ Тригемій, что души и такихъ людей полны, но пороковъ и распутства.—Это самое, сказалъ я, представляетъ собою—пожѣрь мнѣ—нѣкотораго рода безплодіе и какъ бы голодъ духа. Ибо какъ тѣло, когда его лишаютъ пищи, почти всегда подвергается болязнямъ и полудямъ, которые служатъ въ немъ указаніемъ на голодъ; такъ точно и души тѣхъ людей полны такихъ недуговъ, которые свидѣтельствуютъ о ихъ голодности. На этомъ основаніи древніе называли матерью всѣхъ пороковъ распутство, потому что оно представляетъ собою нѣчто отрицательное ¹⁾, т. е. потому, что оно—ничто. Противоположная сему пороку добродѣтель называется воздержностію. Такого образомъ, какъ эта послѣдняя получила свое названіе *отъ плода* ²⁾, ради нѣкоторой духовной производительности, такъ то названо распутствомъ отъ безплодности, т. е. *отъ ничто*: ибо ничто есть все то что уничтожается, что разрушаетъ

¹⁾ Nequidquam sit, есть не-нѣчто, т. е. не есть нѣчто, иначе: представляетъ собою нѣчто *отрицательное*. Nequidquam составляетъ игру словъ съ nequitia, распутство.

²⁾ Воздержность, frugalitas,... отъ плода, а fruge: опять игра словъ.

ся, что исчезаетъ и какъ бы постоянно погибаетъ. Оттого и называемъ мы подобныхъ людей погибшими. Напротивъ того, есть нѣчто пребывающее, постоянное, остающееся всегда такимъ же: такова именно добродѣтель, значительная часть которой и самая прекрасная называется умирѣнностію или воздержностію. Если же это представляется для васъ не настолько яснымъ, чтобъ вы могли понять, то согласитесь со мною въ томъ по крайней мѣрѣ, что какъ для тѣла, такъ и для души, — посланку души и несвѣдущихъ какъ бы помпы, — существуетъ двухъ родовъ пища, одна здоровая и полезная, другая нездоровая и здоревидная.

А если это такъ, то полагаю, что въ день своего рожденія я долженъ предложить вамъ самую лучшую трапезу не только для нашихъ тѣлъ, но и для душъ, такъ какъ мы согласны въѣхъ между собою, что человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души. Но я предложу вамъ эту трапезу, если только вы согласны. Ибо если я стану стараться накормить васъ, когда вы будете не хотѣть и брезгать, то напрасно потрачу трудъ; а было бы желательнѣе, чтобы вы требовали болѣе этого рода пищи, чѣмъ пищи тѣлесной. Это случится, если ваши души будутъ здоровы; потому что больныя, какъ мы видимъ это и въ подугахъ тѣла, отказываются отъ своей пищи и не принимаютъ ея. — Съ довольнымъ видомъ лица и въ одинъ голосъ сказали всѣ, что все, что бы ни изготовилъ я, они уже заранѣе принимаютъ и благодарятъ меня.

Желаемъ ли мы быть блаженными, спросилъ я, вступая снова въ бесѣду? — Едва произнесъ я эти слова, всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали, что это такъ. — Считаете ли вы, спрашиваю далѣе, блаженнымъ того, кто не имѣетъ, чего желаетъ? — Нѣтъ, отвѣчаютъ. — Значитъ, блаженъ всякій, кто имѣетъ то, чего желаетъ? — Блаженъ, отвѣчаютъ мать, если онъ желаетъ и имѣетъ добро; если же желаетъ худого, то несчастенъ, хотя бы и имѣлъ. — Ты, мать, говорю я ей съ

улыбкой радости, рѣшительно овладѣла самою крѣпостію философіи. Только за недостаткомъ, безъ сомнѣнія, словъ ты выразилась не такъ пространно, какъ Туллій, съ изреченіемъ котораго согласны слова твои. Именно, въ сочиненіи *Гортензій*, написанномъ имъ въ похвалу и защиту философіи, онъ говоритъ слѣдующее: »Вотъ всѣ,—не философы, впрочемъ, а люди готовые поспорить,—говорятъ, что блаженные суть тѣ, которые живутъ такъ, какъ имъ хочется; но это не вѣрно, послѣку хотѣть того, что неприлично, само по себѣ есть величайшее несчастье. Не получить желаемого не столько бѣдственно, сколько желать получить недолжное. Ибо по рочность воли дѣлаетъ каждому болѣе зла, нежели фортуна добра.* Этими словами она (мать) высказалась такъ, что мы совершенно забывши о ея полѣ, подумали, что съ нами возсѣдаетъ ибкій великій мужъ,—между тѣмъ какъ я понималъ, насколько могъ, изъ какого и сколь божественнаго источника они проистекли.—Но, говоритъ Лиценцій, ты долженъ, сказать намъ, чего каждый долженъ желать и къ чему слѣдуетъ ему стремиться, дабы быть блаженнымъ. — Если угодно, замѣтилъ я ему, пригласи меня въ день своего рожденія; я охотно буду кушать все, что ты мнѣ ни предложишь.—На такихъ же условіяхъ прошу сегодня кушать и у меня, и не требовать того, что, быть можетъ, не изготовлено.—Когда онъ началъ сожалѣть о своемъ скромномъ и боязливомъ замѣчаніи, я сказалъ: Итакъ мы согласны, что кто не имѣетъ того, чего желаетъ, не можетъ быть блаженнымъ; а съ другой стороны, не всякій блаженъ и тотъ, кто имѣетъ то, чего желаетъ?—Отвѣчали, что согласны.

Не согласитесь ли вы, спрашиваю, и съ тѣмъ, что тотъ несчастенъ, кто не блаженъ?—Сомнѣвающихся не оказалось.—Значитъ, спрашиваю опять, великій, кто не имѣетъ чего желать, несчастенъ?—Всѣ согласились, что это такъ.—Что же, продолжаю я, человѣкъ долженъ приготовить себѣ,

чтобы быть блаженным? Можетъ статься, на этомъ нашемъ пиршествѣ и оно будетъ подано, чтобы голодъ Лиценція не оставался неудовлетвореннымъ: ибо, на мой взглядъ, для него должно приготовить то, что онъ имѣлъ бы, когда бы ни захотѣлъ.—Сказали, что это несомнѣнно.—Итакъ, говорю я, оно должно быть всегда пребывающимъ, независимымъ отъ фортуны и не подлежащимъ никакимъ случайностямъ. Послику чего бы то ни было смертнаго и преходящаго мы не можемъ имѣть въ то время, когда желаемъ и какъ скоро желаемъ.—Съ этимъ согласились всѣ. Но Тригемій возразилъ: Есть много такихъ счастливицевъ, которые обладаютъ въ избыткѣ этими тлѣнными и случайностямъ подлежащими, но для настоящей жизни пріятными, вещами, такъ что у нихъ нѣтъ недостатка ни въ чемъ такомъ, чего они желаютъ.— На это я сказала ему: Представляется ли тебѣ блаженнымъ тотъ, кто боится?—Но представляется, говорить.—Но можешь ли, говорю, не бояться каждый, если онъ можетъ лишиться того, что любить?—Не можетъ, отвѣчаетъ.—Однакожь, эти случайныя блага могутъ быть утрачены. Слѣдовательно тотъ, кто ихъ любитъ и обладаетъ ими, не можетъ быть блаженнымъ.—Противъ этого спорить онъ не сталъ.—Но, возразила при этомъ мать, если бы онъ былъ и спокоенъ на счетъ того, что всего этого не утратить, и въ такомъ случаѣ онъ не можетъ быть довольнымъ подобнаго рода вещами. Значить, онъ несчастенъ уже потому самому, что остается постоянно нуждающимся.—На это я сказала ей: Не представляется ли тебѣ блаженнымъ человѣкъ, въ избыткѣ обладающій всѣми этими вещами, если онъ ограничиваетъ свои желанія, и довольный этими вещами, наслаждается ими пристойно и съ пріятностію?—Въ такомъ случаѣ, отвѣчала она, онъ блаженъ не этими вещами, а умѣренностію своего духа.— Прекрасно, сказалъ я; на этотъ вопросъ, даже и не отъ тебя, иного отвѣта не должно быть. Итакъ, мы не сомнѣваемся

нисколько, что тотъ, кто рѣшился быть блаженнымъ, долженъ пріобрѣсти для себя то, что всегда пребываетъ и что не можетъ быть похищено никакою свирѣпою фортуною.—Съ этимъ, замѣтилъ Тригелій, мы еще раньше согласились.— Не представляется ли вамъ, спросилъ я, Богъ вѣчнымъ и всегда пребывающимъ?—Это, отвѣчалъ Лиценцій, такъ несомнѣнно, что не нуждается и въ вопросѣ.—Съ этимъ благочестивымъ отвѣтомъ согласились и прочіе.—Итакъ, сказалъ я, блаженъ тотъ, кто имѣетъ Бога.

Когда они съ радостію и вполне охотно приняли это, я сказалъ: Мнѣ думается, что намъ ни о чемъ больше не слѣдуетъ спрашивать, какъ о томъ, кто изъ людей имѣетъ Бога; ибо такой будетъ поистинѣ блаженнымъ. А вы какъ объ этомъ думаете?— На это Лиценцій сказалъ, что Бога имѣетъ тотъ, кто живетъ хорошо; а Тригелій— что тотъ имѣетъ Бога, кто дѣлаетъ угодное Богу. Съ мнѣніемъ послѣдняго согласился и Ластидіанъ.—Отрокъ же нашъ, меньшій всѣхъ, отвѣчалъ, что Бога имѣетъ тотъ, кто не имѣетъ нечистаго духа.—Мать же одобрила всѣ мнѣнія, но особенно послѣднее. Навигій молчалъ; а когда я спросилъ его, какъ думаетъ онъ, отвѣчалъ, что ему нравится послѣднее. Слѣдуетъ, подумалъ я, и у Рустика, который молчалъ затрудняемый, казалось мнѣ, скорѣе застѣчивостію, чѣмъ размышленіемъ, спросить, какого онъ мнѣнія относительно столь важнаго предмета; онъ согласился съ Тригеліемъ.

Тогда я сказалъ: Я имѣю мнѣіе всѣхъ о предметѣ истинно великомъ, далѣе котораго ни о чемъ не должно быть спрашиваемо, да и ничто не можетъ быть найдено; если только мы будемъ изслѣдывать его такъ же спокойно и чисто-сердечно, какъ и начали. Но такъ какъ на сегодня этого было бы много, и такъ какъ есть своего рода неумѣренность въ пищѣ и для душъ, какъ скоро онѣ набрасываются на нее сверхъ мѣры и съ жадностію (ибо въ такомъ случаѣ

онѣ худо перевариваютъ ее, откуда для здоровья умовъ возникаетъ не меньшая опасность, какъ и отъ голода): то, буде угодно, примемся за этотъ вопросъ завтра впроголодь. Теперь же прошу васъ полакомиться лишь тѣмъ, что мнѣ, вашему прислужнику, пришло на умъ на скорую руку подать къ столу; и что, если не ошибаюсь, изготовлено и спечено какъ бы на нирольномъ меду, въ родѣ тѣхъ блюдъ, какия обыкновенно подаются послѣдними.—Услышавъ это, всѣ какъ бы потянулись къ внесенному блюду, и попуздали меня поскорѣе сказать, что это такое.—А какъ вы думаете, сказалъ я: весь этотъ поднятый нами вопросъ не поконченъ ли уже съ Академиками? — Лишь только услышано было это имя, тѣ трое, которымъ предметъ этотъ былъ извѣстенъ, быстро поднялись и какъ бы простерли руки, чтобы помочь—какъ это дѣлается—вносящему (кушанью) служителю, показывая, какими только могли, словами, что они ни о чемъ не намѣрены слушать охотнѣе.

Тогда я поставилъ дѣло такъ: очевидно, сказалъ я, что тотъ не блаженъ, кто не имѣетъ, чего желаетъ, какъ это немного раньше нами доказано. Между тѣмъ, никто не ищетъ того, чего не хочетъ найдти; ищутъ же они постоянно истины, слѣд. желаютъ найдти ее. Но они ее не находятъ; слѣдовательно не имѣютъ того, чего желаютъ. и поэтому не блаженны. Но никто не бываетъ мудрымъ, кромѣ блаженнаго; слѣдовательно Академикъ не мудръ.—При этомъ они, какъ бы сразу схватывая все, вскрикнули. Но Лиценцій, останавливаясь на предметъ съ большимъ вниманіемъ и осторожностію, побоялся своего согласія и присовокупилъ: Схватилъ и я вмѣстѣ съ вами, потому что вскрикнулъ, пораженный этимъ заключеніемъ. Но изъ этого я ничего не пропущу въ свой желудокъ, а сберегу свою часть для Алимпія: пусть онъ носоватъ ее вмѣстѣ со мною, или убѣдить меня, почему не должно ея касаться.—Сладкаго, сказалъ я,

слѣдовало бы боятся скорѣе Навигію, при его поврежденной селезенкѣ.—Напротивъ, уемѣхаясь сказать тотъ: такія вещи излечать меня. Не знаю отъ чего, но это верченое и колючее, что ты предложилъ, имѣеть, какъ нѣкто выразился о иметскомъ медѣ, остро-сладкій вкусъ, и нисколько не пучить желудка. Почему все это, хотя немощно и щиплетъ небо, я могу съ большимъ удовольствіемъ отправлять въ желудокъ. Ибо я не вижу, какъ бы могло быть опровергнуто твоё заключеніе.—Рѣшительно никакъ не можетъ, сказать Тригетій. Поэтому я радуюсь, что давно уже сталъ къ нимъ (Академикамъ) въ недружелюбное отношеніе. Не знаю подъ какимыъ влияніемъ природы или—вѣрнѣе сказать—Бога, не знаю даже, чѣмъ должны бытъ они опровергаемы, однако я буду ихъ рѣшительнымъ противникомъ.

А я, сказалъ на это Лиценцій, пока не оставляю ихъ.—Значить, возразилъ Тригетій, ты несогласенъ съ нами?—А вы, спросилъ тотъ въ свою очередь, развѣ расходитесь въ этомъ съ Алипіемъ?—Не сомнѣваюсь, сказалъ я на это, что Алипій, еслибы находился здѣсь, согласился бы съ моимъ умозаключеніемъ. Ибо онъ не могъ бы дерзаться того нелѣпаго мнѣнія, чтобы блаженнымъ считался тотъ, кто не имѣеть такого духовнаго блага, котораго желаетъ самымъ пламеннымъ образомъ,—или чтобы они (Академики) не желали найти истину,—или, чтобы мудръ былъ тотъ, кто не блаженъ: ибо то, чего ты побоялся отвѣдать, приправлено этими тремя (положеніями), какъ бы медомъ, мукою и орѣхомъ.—Опъ ли, возразилъ Лиценцій, увлекся бы этою маленькою дѣтскою приманкой, бросивъ то обиліе Академиковъ, которое если бы разлилось, уничтожило бы или поглѣтило это коротенькое, не знаю какъ назвать его?—Какъ будто, сказалъ я, мы спрашиваемъ о чемъ-нибудь пространномъ, особенно противъ Алипія: ибо по собственному тѣлу онъ можетъ заключить, что эта малость не мало вѣрка и полезна. Но ты, по-

рѣшившій судить, опираясь на авторитетъ отсутствующаго, ты-то почему не одобряешь золота? Развѣ по твоему блаженъ тотъ, кто не имѣеть чего желаетъ? Или ты отрицаешь, что Академики желаютъ найти истину которую усиленно отыскиваютъ? Или же представляется тебѣ кто-нибудь мудрый не блаженнымъ? — Блаженъ вполне, кто не имѣеть чего желаетъ, сказалъ онъ, смѣясь какъ бы съ сердцемъ. — Когда я приказалъ, чтобъ эти слова его были записаны, онъ сказалъ, вскрикивая: »я этого не говорилъ«. А когда я далъ знакъ, чтобы записано было и это, онъ сказалъ: »я говорилъ«. Но мною однажды навсегда приказано было, чтобы ни одно слово не оставалось не записаннымъ. Такимъ образомъ этого юношу я держалъ въ границахъ почтительности и постоянства.

Но между тѣмъ какъ мы, шутя, какъ бы понуждали его скупать свою порцію, я замѣтилъ, что остальные, не знавшіе всего дѣла, но желавшіе знать, о чемъ одни мы толкуемъ между собою такъ пріятно, смотрѣли на насъ безъ смѣху. Миѣ они показались—какъ обыкновенно случается весьма часто—похожими на людей, которые, находясь на пиществѣ среди весьма голодныхъ и жадно-хватающихся за вѣду товарищей, не спѣваютъ обратъ вследствие солидности, или же робѣють-вследствіе застѣпчивости. А такъ какъ угощаль я, и на пиществѣ этомъ представлялъ собою лицо нѣкоего великаго человѣка, и притомъ, чтобы выказаться вполне, угощающаго человѣка истиннаго, то и не могъ допустить этого: и разность и неравенство за моимъ столомъ встревожили меня. Я улыбуясь матери. Она же, какъ бы съ полнѣею готовностію приказывая достать изъ своей кладовой чего не доставало, сказала: Скажи же намъ, что за люди эти Академики и чего хотятъ они?—Когда я кратко и ясно изложилъ дѣло, такъ чтобы никто изъ нихъ не остался незнающимъ, она сказала: эти люди—припадочные (такимъ

простонароднымъ именемъ называются у насъ люди, подверженныя падучей болѣзни); и съ этимъ встала, чтобы уйти. Тогда и веѣ мы начали расходиться, будучи довольны и радуясь тому, что наступилъ конецъ.

ГЛАВА III.

Состязаніе втораго дня.

*Кто имѣетъ Бога такъ чтобы быть блаженнымъ?
Нечистый духъ обыкновенно называется двойко.*

На другой день, также послѣ обѣда, но нѣсколько позже, чѣмъ наканунѣ, усѣвшись на томъ же мѣстѣ, я сказала: поздно пришли вы на пиръ, что случилось съ вами, думаю, не вслѣдствіе недоснѣлости кушанія, а вслѣдствіе увѣренности въ ихъ малость: имѣть, казалось вамъ, надобности снѣшить къ тому, что думали вы скоро скушать. Ибо пельзя было думать, чтобы осталось много остатковъ тамъ, гдѣ и въ самый дешъ пириества встрѣчно было столь немногое. Оно, можетъ быть, и хорошо. Но что для васъ приготождено, этого вмѣстѣ съ вами не знаю и я. Ибо есть другой, кто не перестаетъ подавать веѣмъ какъ всякую, такъ и этого рода нищу; но перестаетъ по большей части ѣсть мы, то вслѣдствіе нездоровья, то вслѣдствіе сытости, то по причинѣ занятій дѣлами; а что этотъ другой, пребывая въ людяхъ, дѣлаетъ ихъ блаженными. относительно этого вчера. если не ошибаюсь, мы пришли между собою къ благочестивому и твердому согласію. Послѣку, когда разумъ доказалъ, что блаженъ тотъ, кто имѣетъ Бога, и никто изъ насъ не воспротивился этому мнѣнію: то предложенъ былъ вопросъ о томъ, кто, по вашему мнѣнію, имѣетъ Бога? На этотъ вопросъ, если хорошо помню, высказаны были три мнѣнія.—Одни полагали, что Бога имѣетъ тотъ, кто дѣлаетъ угодное Богу; нѣкоторые сказали, что тотъ имѣетъ Бога, кто живетъ хорошо;

Блаженнаго Августина.

наконецъ, по мнѣнію остальныхъ, Богъ пребываетъ въ тѣхъ, въ коихъ вѣтъ духа, называемаго нечистымъ.

Но можетъ быть, подъ разными словами вы все разумѣли одно и тоже. Ибо если обратимъ мы вниманіе на два первые мнѣнія, то всякій, кто живетъ хорошо, тѣмъ самымъ дѣлаетъ и угодное Богу; и всякій, кто дѣлаетъ угодное Богу, потому и живетъ хорошо: жить хорошо значить не иное что, какъ дѣлать угодное Богу. Но можетъ быть вамъ представляется это иначе?—Они согласились со мною. Но третье мнѣніе слѣдуетъ разсмотрѣть нѣсколько внимательнѣе; потому что въ христіанской религіи названіе нечистый духъ, насколько я понимаю, употребляется обыкновенно двояко. Съ одной стороны, это—духъ, который назидъ, овладѣвая душою и возмущая чувства, подвергаетъ людей нѣкоторому бѣснованію, и для изгнанія котораго приглашаются имѣющіе власть возлагать руки и дѣлать закланія, т. е. изгнать посредствомъ религіозно-обрядовыхъ закланій. Но, съ другой стороны, нечистымъ духомъ называется и всякая вообще нечистая душа, т. е. душа оскверненная пороками и заблужденіями. Итакъ, дитя, я спрашиваю тебя, высказавшаго это мнѣніе, конечно съ болѣе свѣтлымъ и чистымъ духомъ: кто, по твоему мнѣнію, не имѣетъ нечистаго духа,—тотъ ли кто не имѣетъ демона, который дѣлаетъ, обыкновенно, людей бѣсноватыми; или же тотъ, кто очищаетъ свою душу отъ всякихъ пороковъ и грѣховъ?—Мнѣ кажется, отвѣчалъ онъ, что тотъ не имѣетъ нечистаго духа, кто живетъ цѣломудренно.—Но, спросилъ я, кого называешь ты цѣломудреннымъ,—того ли, кто ни въ чемъ не грѣшитъ, или же того, кто воздерживается только отъ непроизвольнаго сожительства?—Какимъ образомъ, отвѣчалъ онъ, можетъ быть цѣломудреннымъ тотъ, кто, воздерживаясь отъ непроизвольнаго сожительства, не перестаетъ осквернять себя прочими грѣхами? Тотъ истинно цѣломудренъ, кто преданъ Богу и на Него одного

надѣется.—Сдѣлавъ распоряженіе, чтобы эти слова отрока записаны были такъ, какъ они имъ высказаны, —я сказалъ: Такой непремѣнно живетъ хорошо, а кто живетъ хорошо, необходимо таковъ; но можетъ быть тебѣ представляется это иначе?—Онъ и остальные согласились со мною.—Стало быть въ этомъ, сказалъ я, заключается одно изъ высказанныхъ мнѣній.

Сдѣлаю вамъ еще нѣсколько вопросовъ: желаетъ ли Богъ, чтобы человѣкъ искалъ Бога?—Отвѣчали утвердительно.—Спрашиваю еще: неужели мы можемъ сказать, что тотъ, кто ищетъ Бога, худо живетъ?—Ни въ какомъ случаѣ, отвѣчали. — Отвѣтите мнѣ и на третій еще вопросъ: можетъ ли нечистый духъ искать Бога?—Это отвергли всеъ, за исключеніемъ нѣсколько сомнѣвавшихся Навягя, который потомъ согласился съ мнѣніемъ остальныхъ.—Итакъ, сказалъ я, если тотъ, кто ищетъ Бога, дѣлаетъ угодное Богу и живетъ хорошо, и не имѣетъ духа нечистаго; а кто ищетъ Бога, тотъ еще не имѣетъ Бога: то не всякій, кто живетъ хорошо, дѣлаетъ угодное Богу, не имѣетъ нечистаго духа, долженъ непремѣнно быть считаемъ имѣющимъ Бога.—Когда всеъ начали смѣяться, что пойманы ихъ же собственными уступками, мать, долго находившаяся въ изумленіи, попросила меня распутать и разъяснить ей сдѣланный мною посредствомъ умозаключенія выводъ.—Когда это мною было сдѣлано; она сказала: Но никто не можетъ достигнуть Бога, если Бога не ищетъ.—Прекрасно, отвѣчалъ я; однакожь, тотъ, кто только ищетъ, еще не достигъ Бога, хотя бы жилъ и хорошо. Значить, не всякій, кто живетъ хорошо, имѣетъ Бога.—Мнѣ думается, возразила она, что Бога никто не имѣетъ; но кто живетъ хорошо, къ тому Онъ милостивъ, а кто—худо, къ тому непріязненъ.—Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, вчерашній день мы неосновательно согласились, что тотъ блаженъ, кто имѣетъ Бога. Ибо хотя

всякій человекъ имѣеть Бога, однако не всякій блаженъ.— Бога милостиваго, прибавь, сказала она.

Достаточно ли, сказала я, согласны мы въ томъ, по крайней мѣрѣ, что блаженъ тотъ, къ кому Богъ милостивъ?—И желалъ бы согласиться, отвѣчалъ Навигій, да боюсь, чтобы ты не вывелъ заключенія, что блаженъ еще только идущій, въ особенноти же тотъ Академикъ, который вчера названъ былъ хотя престопаходнымъ и не совсемъ латинскимъ, но, какъ кажется мнѣ, совершенно мѣстнымъ наименованіемъ припадошнаго. Ибо я не могу сказать, чтобы Богъ былъ неприятели къ человеку, который Бога ищетъ: если сказать это не пристойно, значить Онъ будетъ въ немъ милостивъ, а тотъ, къ кому Богъ милостивъ, блаженъ. Следовательно блаженнымъ будетъ и тотъ, кто ищетъ. А всякій ищущій еще не имѣеть того, чего желаетъ. Следовательно блаженнымъ будетъ и тотъ человекъ, который не имѣеть того, чего желаетъ; а это все въ намъ показалось вчера нелѣпностію и мы вслѣдствіе того подумали-было, что явракъ Академиковъ разсѣявъ. И потому Лиценцій восторжествуетъ надъ нами, а мнѣ, какъ благоразумный вракъ, проишествъ наказанія за тѣ сладости, которыя безразсудно кушавъ я, вопреки своему здоровью.

Когда при этомъ даже и мать улыбулась, Тригелцій сказалъ: я не согласенъ съ тѣмъ, чтобы Богъ былъ непремѣнно неприязненъ тому, къ кому Онъ немилостивъ; думаю, есть нѣчто среднее.—Однакожь, отвѣчалъ я ему, ты соглашаешься, что этотъ средній человекъ, къ коему Богъ ни милостивъ, ни неприязненъ, имѣеть Бога?—Когда онъ медлилъ отвѣтомъ, мать сказала: иное дѣло имѣть Бога, иное не быть безъ Бога.—Что же лучше, спросилъ я,—имѣть ли Бога, или не быть безъ Бога?—Насколько я могу понимать, отвѣчала она, мое мнѣніе таково: кто живетъ хорошо, тотъ имѣеть Бога милостиваго, а кто худо, тотъ имѣеть Бога, но неприязнен-

наго. А кто только ищетъ Бога и не нашелъ еще, тотъ не имѣетъ Его ни милостиваго, ни непріязненнаго; но онъ — не безъ Бога. — Не таково ли, спросилъ я всѣхъ, и ваше мнѣніе? — Таково, отвѣчали. — Скажите же мнѣ пожалуйста, говорю, не представляется ли вамъ, что Богъ милостивъ къ тому человѣку, которому онъ благодѣтельствуетъ? — Сказали, что это такъ. — А не благодѣтельствуетъ ли, говорю, Богъ тому человѣку, который его ищетъ? — Благодѣтельствуетъ, отвѣчали. — Значить, говорю, кто ищетъ Бога, къ тому Богъ милостивъ, а всякій, къ кому Богъ милостивъ, блаженъ. Слѣдовательно блаженнымъ будетъ и тотъ, кто ищетъ. А кто ищетъ, тотъ еще не имѣетъ того, чего желаетъ. Слѣдовательно блаженнымъ будетъ и тотъ, кто не имѣетъ того, чего желаетъ. — Мнѣ, возразила мать, отнюдь не кажется блаженнымъ тотъ, кто не имѣетъ, чего желаетъ. — Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ я, не всякій тотъ блаженъ, къ кому Богъ милостивъ. — Если, сказала она, этого требуетъ разумъ, я не могу отрицать. — Итакъ, заключилъ я, получится такое раздѣленіе: всякій, кто уже обрѣлъ Бога и къ кому Богъ милостивъ, потому самому и блаженъ; тотъ же, кто ищетъ Бога, къ тому Богъ милостивъ, но онъ еще не блаженъ; а тотъ, кто отдаляется отъ Бога пороками и грѣхами, тотъ не только не блаженъ, но и Богъ къ нему не милостивъ.

Когда всѣ съ этимъ согласились, я сказала: Все это хорошо; только я онасаюсь, какъ бы не поколебало васъ то, въ чемъ мы уже согласились раньше, именно — что всякій тотъ несчастенъ, кто не блаженъ. Изъ этого будетъ слѣдовать, что тотъ человѣкъ несчастенъ, который считаетъ Бога милостивымъ къ себѣ; потому что такого, пока онъ ищетъ Бога, мы еще не называли блаженнымъ. Развѣ уже, какъ говорить Тудлій, называя господъ владѣющихъ многими помѣстьями на землѣ, богачами, людей, обладающихъ всече-

свими добродѣтелями, стаемъ звать бѣдняками? Но обратите вниманіе на то, такъ ли истинно, что всякій несчастный нуждается, какъ истинно то, что всякій нуждающійся несчастенъ? Ибо въ такомъ случаѣ будетъ истиннымъ и то, что несчастіе есть не что иное, какъ нужда—мнѣніе, которое я, подумали вы, одобряю, когда оно было высказано. Но сегодня разсуждать объ этомъ долгу; почему я прошу васъ не побрезгать—собраться къ этому столу и завтра. Когда все сказали, что принимаютъ приглашеніе съ полнѣйшею готовностію, мы встали.

ГЛАВА IV.

Состязаніе третьяго дня.

Должно говорить о вопросѣ, предложенномъ на канунъ. Всякій нуждающійся несчастенъ. Мудрый совершенно не нуждается ни въ чемъ. Всякій ли несчастный нуждается. Скудость душевная. Полнота духа. Кто же наконецъ блаженъ?

На третій день нашего состязанія утренняя туча, загонявшіи насъ въ бани, разсѣялись, и въ послѣобѣденное время наступила весьма ясная погода. Мы порѣшили снестись на ближайшій лужокъ, и когда все разсѣлись, гдѣ кому показалося удобнымъ, остальная рѣчь ведена была такимъ образомъ. — Почти на все, сказалъ я, на что я хотѣлъ своими вопросами добиться вашего согласія, я согласіе ваше получилъ. Почему на нынѣшній день, которымъ мы могли бы прервать на нѣкоторое время это наше пиршество, или не остается ничего, или останется немного, на что, какъ думаю, нѣтъ необходимо бы получить вашъ отвѣтъ. Мать сказала, что несчастіе есть не что иное, какъ нужда; и мы со-

гласились, что все нуждающіеся суть несчастны. Но все ли несчастны нуждаются, — это осталось однимъ изъ вопросовъ, разрѣшить который вчерашній день мы не могли. Между тѣмъ, если разумъ докажетъ, что это такъ: то вполнѣ найдено, кто блаженъ; ибо таковымъ будетъ тотъ, кто не нуждается. Потому что всякій, кто не есть несчастный, блаженъ. Слѣдовательно, блаженъ тотъ, кто не имѣетъ нужды, если будетъ доказано, что то, что мы называемъ нуждою, и есть самое несчастіе.

А почему бы, сказать Тригемій, изъ той очевидной истины, что всякій нуждающійся несчастенъ, нельзя было вывести заключенія, что всякій ненуждающійся блаженъ? Вѣдь, помнителъ мнѣ, мы согласились, что между несчастнымъ и блаженнымъ нѣтъ ничего средняго. — А не находишь ли ты, сказалъ я, чего нибудь средняго между живымъ и мертвымъ? Не всякій ли человѣкъ — или живой или мертвый? — Признаюсь, отвѣчалъ онъ, что и здѣсь нѣтъ ничего средняго. Но зачѣмъ этотъ вопросъ? — А затѣмъ, сказалъ я, что ты, думаю, признаешь и то, что всякій кто за годъ предъ снѣмъ похороненъ, мертвъ. — Этого онъ не отрицать. — Слѣдуетъ ли изъ этого, что всякій, кто за годъ предъ снѣмъ не похороненъ, живъ? — Не слѣдуетъ, отвѣчалъ. — Значитъ, сказалъ я, и изъ того, что всякій нуждающійся несчастенъ, не слѣдуетъ, чтобы всякій не нуждающійся былъ блаженнымъ; хотя между несчастнымъ и блаженнымъ, какъ между живымъ и мертвымъ, не можетъ быть найдено ничего средняго.

Нѣкоторые изъ нихъ поняли это не сразу, а послѣ того уже, какъ въ выраженіяхъ по возможности приприспособленныхъ къ ихъ разумѣнію мною сдѣланы были объясненія и измѣненія; затѣмъ я сказалъ: Итакъ, никто не сомнѣвается, что всякій, кто нуждается, несчастенъ. Что есть нѣчто не-

обходимое для тѣла мудрыхъ, это не можетъ быть для насъ возраженіемъ. Ибо въ этомъ нуждается не самый духъ, въ которомъ полагается блаженная жизнь. Онъ совершенъ, а никто совершенный не нуждается ни въ чемъ; но если есть то, что кажется необходимымъ для тѣла, пользуется имъ, а если пить, недостатокъ въ томъ не сокрушаетъ его. Ибо всякій мудрый—силещъ, а всякій сильный не боится ничего. Поэтому мудрый не боится ни тѣлесной смерти, ни болѣзней, ни удаленія, ни изобѣжанія, ни отсрочія которыхъ необходимо то, въ чемъ можетъ у него оказываться недостатокъ. Но онъ, впрочемъ, не перестаетъ пользоваться этимъ надлежащимъ образомъ, если оно у него есть. Ибо весьма вѣрно извѣстное изреченіе: «Глуно допускать то, чего можетъ изобѣжать»¹⁾. Поэтому, насколько возможно и прилично, онъ будетъ избѣгать смерти и болѣзни; а если бы не избѣжалъ, то былъ бы несчастенъ не потому, что это съ нимъ случилось, а потому, что не хотѣлъ избѣжать ихъ, когда избѣжать могъ,—что составляетъ явный знакъ глуности. Итакъ, не избѣгая этого, онъ будетъ несчастнымъ не вслѣдствіе перенесенія подобныхъ вещей, а вслѣдствіе глуности. Если же онъ не въ состояніи избѣжать ихъ, хотя и старается объ этомъ прилежно и приличнымъ образомъ, то, обрушиваясь на него, онъ не дѣлаютъ его несчастнымъ. Ибо не менѣе истинно и другое изреченіе того же комика. «Такъ какъ то, чего желаешь, дѣло невозможное, то желай того, что возможно»²⁾. Какимъ образомъ будетъ несчастнымъ тотъ, съ которымъ не случается ничего помимо его воли? Ибо онъ не можетъ желать того, что, на его взглядъ, не можетъ осуществиться. Онъ желаетъ несомнѣннѣйшаго, т. е. когда дѣлаетъ что нибудь,

¹⁾ *Terent., in Eunuchus, act. IV, scen. 6.*

²⁾ *Terent., in Andria, act. II, scen. 1.*

дѣлаетъ не иначе, какъ во нѣкоторому предписанію добродѣтели и божественному закону мудрости, каковыхъ онъ не можетъ быть лишенъ никомъ образомъ.

А теперь обратите вниманіе на то, всякій ли несчастный нуждается. Ибо согласиться съ этимъ мнѣніемъ мѣшаетъ то обстоятельство, что многіе обставлены великимъ изобиліемъ случайныхъ вещей, которыя дѣлаютъ для нихъ все такъ легкимъ, что по ихъ мановенію является все, чего только потребуетъ прихоть. Правда, такую жизнь не легко встрѣтить. Но представимъ себѣ кого-нибудь такого, какимъ, по словамъ Тудля, былъ Орать. Кто скажетъ, что Орать находился въ нуждѣ, — онъ, человѣкъ богатѣйшій, роскошнѣйшій, изыбнѣйшій, у котораго не было недостатка ни въ удовольствіи, ни въ красотѣ, ни въ добромъ и вѣспорочномъ здоровьи? Было у него, сколько душъ угодно, и доходнѣйшихъ помѣстій, и пріятнѣйшихъ друзей, и всѣмъ этимъ пользовался онъ вполне сообразно съ тѣлеснымъ здоровьемъ, и коротко сказать — всякое намѣреніе и всякое желаніе его сопровождалось счастливымъ успѣхомъ. Развѣ только кто-нибудь изъ васъ скажетъ, что онъ хотѣлъ бы имѣть больше, чѣмъ сколько имѣлъ. Этого мы не знаемъ. Но для насъ въ данномъ случаѣ достаточно предположить, что онъ не желалъ болѣе того, что имѣлъ. Представляется ли вамъ, что онъ нуждался? — Если я и соглашусь, отвѣчалъ Лиценцій, что онъ ничего не желалъ, — хотя я не знаю какъ это допустить въ человѣкѣ не мудрому, — однако, будучи, какъ говорится, человѣкомъ не цѣлаго смысла, онъ боялся, какъ бы не лишиться ему всего этого въ одно несчастное мгновеніе. Ибо не трудно было понять, что все такое, какъ бы оно ни было велико, зависить отъ случая. — Ты, Лиценцій, сказать я смѣяся, видишь препятствіе для этого человѣка въ блаженной жизни въ добромъ смыслѣ. Поелику чѣмъ проницательнѣе былъ онъ, тѣмъ лучше видѣлъ, что всего

этого может лишиться; этотъ страхъ сокрушалъ его, и онъ достаточно оправдывалъ народную поговорку, что лукавый человѣкъ искрененъ въ отношеніи къ своей бѣдѣ.

Когда при этомъ и онъ и остальные улыбнулись, я сказалъ: однако, мы должны выкинуть въ это внимательнѣе, потому что хотя онъ и боялся, но не нуждался; а вопросъ именно объ этомъ. Ибо нуждаться значить не имѣть, а не бояться утратить то, что имѣешь. Между тѣмъ, онъ былъ несчастенъ потому, что боялся, хотя нуждающимся не былъ. Слѣдовательно не всякій, кто несчастенъ, нуждается. — Это, вмѣстѣ съ другими, одобрила и сама та, мнѣніе которой защищалъ я; но нѣсколько колеблясь сказала: Впрочемъ, я не знаю и еще не вполне понимаю, какимъ образомъ возможно отдѣлать отъ нужды несчастіе и, наоборотъ, нужду отъ несчастія. Ибо и онъ, бывший человѣкомъ богатымъ и во всемъ обильно снабженнымъ, и ничего, какъ говорите вы, не желавшій большаго, тѣмъ не менѣе поколику боясь лишиться всего этого, нуждался въ мудрости. Развѣ назвавъ его нуждающимся, если бы онъ имѣлъ нужду въ серебрѣ и деньгахъ, мы не назовемъ его такимъ, когда онъ имѣетъ нужду въ мудрости? — При этомъ всѣ воскликнули отъ удивленія; и я самъ былъ не мало доволенъ и радъ, что ею именно высказано было то наилучшее, что я готовился предложить изъ книгъ философовъ, какъ нѣчто великое и послѣднее. — Не видите ли, сказалъ я, что иное — многія и разнообразныя доктрины и иное — духъ преданный Богу? Ибо откуда произошло то, чему мы удивляемся, если не отъ Бога? — Рѣшительно, воскликнувъ при этомъ Лиценцій, ничего истиннѣе и божественнѣе этого не могло быть сказано! Ибо нѣтъ большаго и бѣдственнѣйшаго недостатка, какъ недостатокъ мудрости; и тотъ, кто не нуждается въ мудрости, не можетъ нуждаться уже ни въ чемъ рѣшительно.

Итакъ, сказалъ я, скудость души есть не что иное,

какъ глупость. Ибо она противоположна мудрости, и противоположна такъ, какъ смерть жизни, какъ блаженная жизнь жизни несчастной, т. е. безъ средняго чего-либо. Какъ всякій не блаженный человѣкъ—несчастель, а всякій не мертвый—живъ, такъ, очевидно, и всякій не глупый—человѣкъ мудрый. Отсюда уже можно видѣть и то, что Сергій Орать былъ несчастенъ не отъ того, что боялся, какъ бы не лишиться извѣстныхъ даровъ фортуны, а отъ того, что былъ глупъ. Отсюда слѣдуетъ, онъ былъ бы еще несчастѣе, если нисколько не боялся за эти столь случайныя и колеблющіяся вещи, которыя онъ считалъ благами. Въ такомъ случаѣ онъ былъ бы болѣе безпечнымъ не вельдствіе мужества душевнаго, а вельдствіе умышленнаго усыпленія, и несчастливцемъ, погруженнымъ въ глубочайшую глупость. Но если всякій, лишенный мудрости, тернить великую скудость, а всякій, обладающій мудростію, не нуждается ни въ чемъ: то само собою слѣдуетъ, что глупость есть скудость. А какъ всякій глупый есть человѣкъ несчастный, такъ и всякій несчастный есть человѣкъ глупый. Итакъ неоспоримо, что какъ всякая скудость—несчастіе, такъ и всякое несчастіе—скудость.

Когда Тригений сказалъ, что онъ не совѣмъ понимаетъ это заключеніе, я спросилъ его: Въ чемъ согласны мы въ отношеніи этого довода? — Въ томъ, отвѣчалъ онъ, что тотъ нуждается, кто не имѣетъ мудрости.—Что значить, говорю я, нуждаться?—Не имѣть мудрости, отвѣчалъ онъ.—Что значить, спросилъ я, не имѣть мудрости?—Когда онъ на это молчалъ, я прибавилъ: не свачить ли это имѣть глупость?—Да, отвѣчалъ онъ. — Слѣдовательно, сказалъ я, имѣть скудость—не что иное, какъ имѣть глупость; откуда уже необходимо называть иначе скудостію, когда рѣчь идетъ о глупости. Хотя я и не знаю, какъ бы могли сказать: «онъ имѣетъ скудость», или «онъ имѣетъ глупость». Это было бы

похоже на то, какъ если бы о какомъ-нибудь лишенномъ свѣта имѣть мы сказали, что оно имѣетъ темноту, что означаетъ не что иное, какъ что оно не имѣетъ свѣта. Ибо быть темнымъ значить не то, что тьма какъ бы приходила, или уходила; а значить просто — быть лишему свѣта, подобно тому, какъ быть лишему одежды значить тоже, что быть нагимъ. Ибо, съ приближеніемъ одежды, нагота не бѣжитъ какъ бы какой-нибудь движущійся предметъ. Такимъ образомъ, когда говоримъ, что нѣкто имѣетъ скудость, мы говоримъ также, какъ бы что онъ имѣетъ наготу. Ибо скудость есть названіе не-имѣнія. Поэтому, чтобы выразить, насколько это возможно, свою мысль, — говорится: «онъ имѣетъ скудость», т. е. какъ бы: «онъ имѣетъ не-имѣніе». Итакъ, если доказано, что глупость представляетъ собою самую подлинную и несомнѣнную скудость: то смотри, не разрѣшена ли уже предпринятая нами на себя задача. Между нами оставалось сомнѣніе на счетъ того, разумѣемъ ли мы иное что, а не скудость, когда говоримъ о несчастіи. Между тѣмъ нами приведено основаніе, по которому глупость правильно называется скудостію. Итакъ, какъ всякій глупый есть человѣкъ несчастный, а всякій несчастный есть человѣкъ глупый: такъ необходимо признать, что не только всякій нуждающійся несчастенъ, но и всякій несчастный есть человѣкъ нуждающійся. Но если изъ того, что всякій глупый — несчастенъ, а всякій несчастный — глупъ, выводится заключеніе, что глупость есть несчастіе: то почему бы и изъ того, что всякій нуждающійся — несчастенъ, а всякій несчастный — нуждается, не вывести намъ заключенія, что несчастіе есть не что иное, какъ скудость?

Когда всѣ согласились съ этимъ, я сказалъ: Теперь намъ слѣдуетъ рассмотретьъ, кто не терпитъ скудости; ибо тотъ будетъ мудрымъ и блаженнымъ. Скудость же есть глупость, и именемъ скудости, обыкновенно, обозначается нѣбо-

торого рода безплодіе и недостатокъ. Вникните, пожалуйста, поглубже въ то, съ какимъ раченіемъ древніе люди составляли всё или, какъ это очевидно, нѣкоторые слова, въ особенности для такихъ предметовъ, знаніе коихъ наиболее необходимо. Вы согласились уже, что всякій глупый человѣкъ нуждается, а всякій, кто нуждается, глупъ; думаю, что вы согласны и съ тѣмъ, что глупый духъ есть духъ порочный, и что всё пороки духа заключаются въ одномъ названіи глупости. Въ первый день нашего состязанія мы сказали, что распутство названо такъ потому, что оно представляетъ собою нѣчто отрицательное, и что противоположная ему воздержность получила свое имя отъ плода. Въ этихъ двухъ противоположностяхъ, т. е. воздержности и распутствѣ, выступаютъ особенно на видъ—бытіе и не бытіе. Что же теперь сочтемъ мы противоположнымъ той скудости, о которой идетъ рѣчь у насъ? — Когда они нѣсколько замедлили отвѣтомъ, Тригемій сказалъ: Я называлъ бы богатство; но вижу, что ему противоположна бѣдность.—Есть близость, замѣтилъ я; ибо бѣдность и скудость, обыкновенно, принимаются за одно и тоже. Однако, слѣдуетъ найти другое слово, чтобы лучшая сторона не оставалась съ однимъ именемъ, такъ чтобы сторона, представляемая бѣдностію и скудностію, обилвала словомъ, а сторона противоположная противопоставляла ей одно лишь имя богатства. Ибо ничего не можетъ быть пелѣнѣе, какъ скудость слова на той именно сторонѣ, которая противоположна скудости. — Если слово: полнота, примѣнимо, сказалъ Лиценцій, то оно кажется мнѣ прямо противоположнымъ скудости.

Можетъ быть послѣ, сказалъ я, мы потолкуемъ о словѣ обстоятельнѣе. Но при изысканіи истины, не объ этомъ должно стараться. Хотя Саллюстій, весьма разборчивый въ словахъ, скудости противопоставляетъ достаточность, однако и противопоставляю ей полноту. Не въ настоящемъ случаѣ мы

будемъ страшиться грамматиковъ; иначе пришлось бы бояться за небрежное употребленіе словъ наказанія отъ тѣхъ, которые оставили намъ для употребленія свои имущества. — Когда они заемѣялись при этихъ словахъ, я сказалъ: Такъ какъ я положилъ себѣ—не пренебрегать, когда вы углублены бываете въ Бога, вашими умами, какъ бы нѣкотораго рода оракулами, то приглашаю васъ обратить вниманіе на то, что означаетъ это наименованіе (полнота); ибо, думаю, ничего нѣтъ болѣе сообразнаго съ истиною. Итакъ, полнота и скудость противоположны между собою; и здѣсь, подобно тому какъ въ распутствѣ и воздержности, являются тѣ же представленія о бытіи и небытіи. Если скудость есть сама глупость, то полнота будетъ мудростію. Не безъ основанія многіе и воздержность называли матерью всѣхъ добродѣтелей. Согласно съ ними и Тулзіи въ одной народной рѣчи говорить: »Пусть всякій понимаетъ, какъ хочетъ; а по моему мнѣнію воздержность, т. е. умѣренность и равновѣсіе, есть величайшая добродѣтель«¹⁾. И это вполне учено и вполне прилично. Ибо онъ въ виду имѣлъ при этомъ плодъ, т. е. то, что мы называемъ существующимъ, въ противоположность несуществующему. Но по причинѣ простонароднаго образа выраженія, на которомъ воздержность называется бережливостію, онъ свою мысль пояснилъ добавленіемъ словъ умѣренность и равновѣсіе. Эти два термина мы должны рассмотреть внимательнѣе.

Умѣренность такъ названа отъ мѣры равновѣсія,—отъ вѣса. А гдѣ мѣра и вѣсъ, тамъ не бываетъ ничего ни слишкомъ большаго, ни слишкомъ малаго. Итакъ полнота, которую противопоставили мы скудости, гораздо лучший терминъ, чѣмъ если бы мы употребили слово преизбытокъ. Потому что подъ преизбыткомъ разумѣется излишество и какъ бы

¹⁾ Orat. pro Deiotaro.

разлитіе чего-нибудь черезчуръ переполненнаго. Когда этого бывасть больше, чѣмъ сколько нужно, тогда бываетъ жадательна мѣра; и слишкомъ большое нуждается въ мѣрѣ. Поэтому крайній избытокъ не чуждъ скудости; и то, что больше, и то, что меньше, одинаково чужды мѣры. Если разсмотришь и выраженіе—обезпеченное состояніе, найдешь и въ немъ понятіе мѣры. Ибо обезпеченное состояніе называется отъ обезпеченія. А какимъ образомъ можеть обезпечивать то, что чрезмѣрно, когда оно часто дѣлаеть болѣе заботъ, нежели мѣдо? Итакъ, все, что мало, равно и все, что чрезмѣрно, поколибу нуждается въ мѣрѣ, впадаетъ въ скудость. Мѣра же духа—мудрость. Поелику же никто изъ насъ не отрицаетъ, что мудрость противоположна глупости, глупость же есть скудость, а скудости—противоположна полнота: то мудрость—будеть полнотою. Въ полнотѣ же мѣра; слѣдовательно мѣра духа заключается въ мудрости. Отсюда-то это знаменитое и не напрасно превозносимое это первое, практически полезное, правило жизни: »Ничего чрезъ мѣру«¹⁾.

Въ началѣ нынѣшняго состязанія мы сказали, что, если найдемъ, что несчастіе есть не иное что, какъ скудость, то признаемъ, что блаженъ тотъ, кто не терпитъ скудости. Это теперь найдено; слѣдовательно быть блаженнымъ значить не иное что, какъ не терпѣть скудости, т. е. быть мудрымъ. Если же вы спросите, что такое мудрость (ибо и она подлежитъ раскрытію и разслѣдованію со стороны разума, насколько это возможно въ настоящее время), то она—не иное что, какъ мѣра духа, т. е. то, чѣмъ духъ держитъ себя въ равновѣсіи, чтобы ни слишкомъ расширяться, ни сокращаться ниже полноты. А расширяется онъ въ роскоши, въ господствованіи, въ гордости и въ прочемъ подобномъ, чѣмъ души людей неумѣренныхъ и несчастныхъ думаютъ снис-

¹⁾ Terent., in *Andria*, act. I, scen. 1.

вать себя радости и могущество. Напротивъ, сокращается онъ въ несчастности, страхѣ, печали, жадности и нищѣ подобно, въ чемъ и несчастные полагаютъ людское несчастье. Но когда онъ созерцаетъ обрѣтенную истину, когда—пользуясь выраженіемъ сего отрока—держится ея, и не волея нисколько никакой тщетою, перестаетъ обращаться къ живности статуи, грузъ которыхъ сваливается и неупровергается силою Божіею, тогда онъ не боится никакой неумѣренности, никакой скудости, и потому, никакого несчастья. Итакъ, всякій кто имѣетъ свою мѣру, т. е. мудрость, блаженъ.

Какая же мудрость должна быть названа мудростию, если не мудрость Божія? По свидѣтельству же божественному мы знаемъ, что Сынъ Божій есть не что иное, какъ Премудрость Божія (1 Кор. I, 24); а сей Сынъ Божій есть истину Богъ. Поэтому всякій имѣющій Бога блаженъ,—названіе, съ которымъ мы согласились уже прежде, когда приступали къ этому нашему пиришеству. Но что такое, по мнѣнію вашему, мудрость, если не истина? Ибо и это сказано: *Азъ есмь истина* (Іоан. XIV, 6). Истина же, чтобы быть истиною, подучаетъ бытіе отъ нѣкоей высочайшей мѣры, отъ которой она происходитъ и къ которой, совершенная, возвращается. Для самой же высочайшей мѣры не полагается уже никакой другой мѣры; ибо, если высочайшая мѣра измѣряется высочайшею мѣрою, то измѣряется сама собою. Но необходимо, чтобы высочайшая мѣра была и мѣрою истинною,—чтобы какъ истина рождается отъ мѣры, такъ и мѣра познавалась истиною. Итакъ, ни истина не была никогда безъ мѣры, ни мѣра безъ истины. Кто таковъ Сынъ Божій?—Сказано: *Истина*. Кто, не имѣющій Отца, кто иной Онъ, какъ не высшая мѣра? Итакъ, кто приходитъ къ высшей мѣрѣ чрезъ истину, тотъ блаженъ. А это значитъ—имѣть Бога въ душѣ, т. е. улаживаться Богомъ. Все же остальное, хотя и отъ Бога, но безъ Бога.

Наконецъ изъ самого источника истины исходитъ иѣкое утѣщаніе, побуждающее насъ памятовать о Богѣ, искать Его и страстно, безъ всякой брезгливости, жаждать Его. Это озареніе нашимъ внутреннимъ очамъ исходитъ отъ онаго таинственнаго солнца. Все то истинное, что говоримъ мы, отъ Него,—даже и въ томъ случаѣ, когда мы еще боимся смѣло пользоваться и смотрѣть на все своими или нездоровыми, или только что открывшимися глазами. И очевидно, что оно есть не иное что, какъ Богъ, совершенство котораго не умаляется никакимъ перерожденіемъ. Виолѣ и все въ Немъ совершенно, и въ тоже время это—всемогуцій Богъ. Но пока однакоже мы только ищемъ, но изъ самого источника, изъ самой—пользуясь извѣстнымъ выраженіемъ—полноты еще не насыщены,—мы должны признать, что мѣры своей еще не достигли; и потому, хотя и пользуемся Божіею помощію, еще не мудры и не блаженны. Итакъ, полная душевная сытость, настоящая блаженная жизнь состоитъ въ томъ, чтобы благочестиво и совершенно знать, кто ведетъ тебя къ истинѣ, какою истиною питаешься, чрезъ что соединяешься съ высочайшею мѣрою. Эти три, по устраниціи различнаго суетвѣрія, являютъ проникательную единаго Бога и единую сущность.—При этомъ мать, припомнивъ слова, глубоко взрѣзавшіяся въ ея памяти и какъ бы пробуждаясь въ своей вѣрѣ, весело проговорила извѣстный стихъ нашего первосвященника: »Призри, Троице, на молящихся!«¹⁾ и прибавила: безъ всякаго сомнѣнія, блаженная жизнь—жизнь совершенная, и стремясь къ ней, мы должны напередъ знать, что можемъ къ ней прийти только твердою вѣрою, живою надеждою, пламенною любовью.

Итакъ, сказать я, самая мѣра убѣждаетъ насъ—прервать на нѣсколько дней это наше ширшество; поэтому и

¹⁾ *Ambrosius in hym., Deus creator omnium.*

Блаженнаго Августина.

БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА

возношу, но мѣрѣ силъ моихъ, благодареніе высочайшему и истинному Богу Отцу, Господу и Свободителю душъ. А затѣмъ — благодарю и васъ, которые, единодушно принявъ приглашеніе, и меня самого осыпали многими дарами. Нбо вы такъ много привнесли въ нашу рѣчь, что я не могу не признаться, что насыщенъ моими гостями. — Когда при этомъ все радовались и хвалили Бога, Тригемій сказалъ: Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы ты питалъ насъ такъ ежедневно! — Во всемъ, отвѣтилъ я, должно сохранять и любить мѣру, если вамъ желательно наше возвращеніе къ Богу. — Послѣ этихъ словъ, такъ какъ состязаніе было окончено, мы разошлись.

— 200 —